

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**1(49)
2026**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-86391 от 11 декабря 2023

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2026

Корректор

О. В. Балашова

Верстка оригинал-макета

Л. В. Макаровой

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

О. А. Селиверстова

кандидат филол. наук, доцент

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы*

Адрес учредителя:

600000, г. Владимир,

ул. Горького, 87

Владимирский государственный

университет имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

Адрес редакции: 600000,

г. Владимир, ул. Горького, 87, ВлГУ,

каб. 08-1

Подписано в печать 30.06.26

Заказ № 17978

Выход в свет 07.07.26

Бесплатно

Формат 70×108/16

Усл. печ. л. 10,23

Тираж 500 экз.

Издательство

Владимирского государственного

университета имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

Отпечатано с готового

оригинал-макета

в типографии ООО «Аркаим».

600017, г. Владимир, ул. Кирова, 14 Г

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

<i>Е. М. Петровичева</i>	доктор ист. наук, профессор директор Гуманитарного института ВлГУ (главный редактор серии)
<i>Е. И. Аринин</i>	доктор филос. наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения ВлГУ (зам. главного редактора серии)
<i>К. А. Аверьянов</i>	доктор ист. наук, профессор ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
<i>А. Ю. Бендин</i>	доктор ист. наук профессор кафедры богословия Института теологии БГУ(Беларусь)
<i>И. Деретич</i>	доктор философии профессор кафедры философии Белградского университета (Сербия)
<i>М. П. Жигалова</i>	доктор пед. наук профессор кафедры лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций Брестского государственного технического университета (Беларусь)
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой исторического регионоведения СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапина</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой всеобщей истории ВлГУ
<i>Ж. В. Латышева</i>	доктор филос. наук, доцент зав. кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью ВлГУ
<i>А. В. Лубков</i>	доктор ист. наук, профессор ректор МПГУ
<i>А. В. Марков</i>	доктор филол. наук, профессор профессор кафедры кино и современного искусства РГГУ
<i>Н. М. Маркова</i>	кандидат филос. наук, доцент зам. директора Гуманитарного института ВлГУ
<i>С. А. Мартыанова</i>	кандидат филол. наук, доцент зав. кафедрой русской и зарубежной филологии ВлГУ
<i>Ю. Г. Матушанская</i>	доктор филос. наук, профессор профессор кафедры религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ
<i>А. С. Минаков</i>	доктор ист. наук, профессор профессор кафедры истории России МПГУ
<i>С. С. Новиков</i>	доктор ист. наук, доцент профессор кафедры теории и истории государства и права ВлГУ
<i>М. В. Пименова</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой русского языка ВлГУ
<i>Л. В. Рацибурская</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой современного русского языка и общего языкознания ННГУ
<i>С. И. Реснянский</i>	доктор ист. наук, профессор профессор кафедры истории России Средних веков и Нового времени ГУП
<i>В. В. Сердечная</i>	доктор филол. наук доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения КубГУ
<i>А. С. Тимошук</i>	доктор филос. наук, доцент профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВЮИ ФСИН России
<i>Т. Е. Шаповалова</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта ГУП
<i>А. В. Ляпанов</i>	кандидат ист. наук, доцент доцент кафедры истории России ВлГУ (отв. секретарь редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

В. В. Гурина

Отражение статуса мировых судей в российской периодической печати
конца XIX века 7

Н. С. Коваленко

Заводчики станицы Ярославской начала XX в.
(штрихи к биографиям)..... 12

А. В. Ляпанов

Развитие пенитенциарной системы в России в XIX веке 36

С. А. Маметьев

Разногласия между союзниками по антигитлеровской коалиции
как предпосылки начала холодной войны 44

О. А. Селиверстова, Е. С. Ершова

К истокам синхронного перевода 48

ФИЛОЛОГИЯ

В. К. Никитина, А. С. Яковлева

Дискурсивные маркеры в русскоязычной интернет-коммуникации:
корпусный анализ прагматических функций 53

ФИЛОСОФИЯ

А. С. Тимощук

Уголовно-исполнительная политика Республики Индия:

философия и религия в практике..... 64

М. И. Щербинина, О. В. Арсенина

Философское осмысление проблемы влияния генетического

тестирования на формирование идентичности индивида..... 80

Сведения об авторах 85

CONTENTS

HISTORY

V. V. Gurina

Representation of the Status of Justice of Peace in the Russian
Periodical Press of the Late 19th Century 7

N. S. Kovalenko

Owners of Factories in Yaroslavskaya Village in the early 20th Century
(Glimpses of the Biographies)..... 12

A. V. Lyapanov

Development of the Penitentiary System in Russia
in the 19th Century 36

S. A. Mametyev

Controversy between Allies of the Anti-Hitler Coalition
as a Prerequisite for the Beginning of the Cold War 44

O. A. Seliverstova, E. S. Ershova

To the Origins of Conference Interpreting..... 48

PHILOLOGY

V. K. Nikitina, A. S. Yakovleva

Discourse Markers in Russian-Language Internet Communication:
a Corpus-Based Analysis of Pragmatic Functions 53

PHILOSOPHY

A. S. Timoshchuk

Penal Policy of the Republic of India: Philosophy
and Religion in Practice 64

M. I. Shcherbinina, O. V. Arsenina

A Philosophical Inquiry into the Impact of Genetic Testing
on the Formation of Personal Identity 77

Information about the authors..... 87

УДК 930.85

В. В. Гурина

ОТРАЖЕНИЕ СТАТУСА МИРОВЫХ СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КОНЦА XIX ВЕКА

В данном исследовании проанализированы материалы периодической печати, отразившие результаты радикального реформирования отечественного судоустройства. Автор фокусирует внимание на важности изучения прессы для лучшего понимания особенностей развития правосознания российского социума конца XIX века. Публикации в газете Московской губернии «Русские ведомости» подчеркивают возросшее внимание общества к судебным делам, позволяют сделать вывод о реализации положений судебной реформы в части гласности судебных разбирательств, а также о достойном статусе судей. Также в статье отмечена роль прессы как одного из механизмов формирования правового сознания в позднеимперской России.

Ключевые слова: Коломенский уезд, мировые судьи, Московская губерния, Московский уезд, судебная реформа 1864 года, периодическая печать, правосознание, «Русские ведомости».

Для исторической науки особо важную роль играют исторические источники, по которым можно не только воссоздать процесс происходивших событий, но и проследить отношение современников к ним. При исследовании общественного мнения позднеимперского периода о происходящих в государстве событиях особый интерес представляют материалы периодической печати и литературные произведения современников изучаемых обстоятельств. Данные источники со свойственной им специфичностью отражают в своих трудах процессы реализации судебной реформы 1864 года, развития правосознания российского общества, а также отношение

общества к вновь введенным институтам власти.

Известнейший русский писатель, классик мировой литературы Антон Павлович Чехов в 1885 году пишет сценку «Интеллигентное бревно». Впервые это небольшое юмористическое произведение, написанное на злобу дня, было опубликовано в «Петербургской газете» (№ 169 от 23 июня 1885 года) с подписью «А. Чехонте». В рассказе описывается судебный процесс, в котором мировой судья рассматривает дело по обвинению своего товарища, а тот никак не возьмет в толк, почему его друг вынес обвинительный приговор со штрафом в 10 рублей. Данный сюжет отражает

деятельность мировых судей, представлявших самый демократический институт, введенный судебной реформой 1864 года, как соблюдающих законодательство, принимающих решения в соответствии с нормами права, несмотря на товарищеские отношения с обвиняемым. «Прежние времена теперь, что ли? Гришку он побил и Гришку же под арест! Удивительная логика! Да ты имеешь какое-нибудь понятие о теперешнем судопроизводстве?» [5, с. 3]. Вместе с тем недоумение товарища мирового судьи по поводу вынесенного решения говорит о незрелом правосознании, несоответствии прогрессивных либеральных идей, заложенных в основу судебной реформы, российскому менталитету, имеющему закостенелое, веками формируемое понимание справедливости и правды. Именно поэтому правовые новеллы активно обсуждались в обществе как среди философов, юристов и правоведов, так и в средствах массовой информации, характерно отражавших все особенности развития общества.

Периодическая печать, обладая высокой репрезентативностью и информативностью, имеет не самую высокую степень достоверности, отличается некоторым субъективизмом. Для оценки информации необходим критический взгляд на конкретную публикацию, а также на сам печатный орган. Однако с присущей ей высокой эмоциональностью и художественной формой изложения газетная публикация помогает более полно понять дух эпохи, отношение к новому институту власти со стороны населения.

Пресса традиционно является отражением социальных явлений, происходящих событий и отношения к ним общества. С одной стороны, средства массовой информации не зря называют четвертой властью – они способны формировать социальное мнение, структурировать его, оказывать влияние идеологического характера. Возросшую с XIX века роль печати в формировании общественного мнения также отмечают современные исследователи [9, с. 44]. С другой стороны, информация, публикуемая в газетах и журналах, отражает потребности в ней общества – что интересует в определенный момент времени большинство читателей, то и попадает на страницы прессы.

Одной из газет, издаваемых в Московской губернии, были «Русские ведомости», основанные литератором Николаем Филипповичем Павловым в 1863 году. «Русские ведомости» выпускались в Москве до 1868 года три раза в неделю, а затем ежедневно. Являясь российской общественно-политической газетой, в скором времени она приобрела либеральную направленность, встав в оппозицию более консервативным «Московским ведомостям».

Газета состояла из нескольких постоянных рубрик: «Внутренние известия», «Московские вести», «Иностранная политика», «Официальный отдел», также присутствовали периодические рубрики, встречавшиеся не в каждом номере. Достаточно часто публиковалась официальная информация из городской Думы, были и новости из других регионов России.

Регулярно присутствовала в газете информация о судебных заседаниях съездов столичных мировых судей – дата, место, время слушания, наименования дел. С 1866 года на страницах газеты регулярно публикуются материалы в рубрике «Судебная хроника», рассказывающие о судебных процессах, в основном Московского окружного суда, съезда мировых судей и мировых судей Московского уезда. Изредка в рубрике печатались материалы о судебных процессах других регионов. По делам, публикуемым в данной рубрике, можно выяснить, какие аспекты общественной жизни представляли особый интерес для широкого круга читателей, проследить социальные настроения, отношения власти и общества.

Немаловажным является и то, что идея, заложенная в судебной реформе 1864 года о гласном суде, реализуется как раз в периодической печати. В современной России действует Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [7], устанавливающий нормы по реализации принципов гласности и открытости правосудия. Данный закон, помимо прочего, предусматривает публикацию судебных актов в общем доступе только после их деперсонализации. Во второй половине XIX века данная особенность не учитывалась, информация о судебных делах размещалась на страницах газет без изъятия персональных данных участвующих в процессе лиц.

Само наличие рубрики «Судебная хроника» в общественно-политической газете – это показатель повышенного интереса общества к системе судопроизводства. Вместе с тем материалы публикуемых судебных дел отражают уровень социального развития общества в определенный исторический период, особенности повседневной жизни и мировосприятия людей.

Показательным примером общественного мнения о вновь созданном институте власти стал комментарий к опубликованному в «Русских ведомостях» 1 апреля 1867 года делу об оскорблении мирового судьи Коломенского уезда Рославлева. В газете говорится о возможности читателя ознакомиться с двумя процессами «с виду весьма неважными, но в сущности далеко не лишенными значения» [6, с. 3]. Интересующий нас процесс об оскорблении мирового судьи был первым процессом такого рода, по сведениям представителей редакции газеты, которые «не без грусти встретили его заглавие в списке дел». Далее от имени редакции публикуются слова, характеризующие отношение общества к вновь введенному институту судебной власти: «Мировой суд в короткий срок своего существования стяжал себе такую степень уважения во всех слоях общества сверху и донизу, что всякое посягательство на авторитет мирового судьи было бы вдвойне прискорбно как неуважение к власти, его поставившей, и как презрение к обществу, которое его избрало и окружило всем своим доверием» [Там же]. Вместе с тем необходимо

отметить, что редакция была полностью солидарна с решением Окружного суда, оправдавшим подсудимого. Между действительным посягательством на авторитет представителя судебной власти и личной обидчивостью человека существует большая разница.

Московский окружной суд 28 марта 1867 года рассматривал дело о купце Мещанинове, обвиняемом в использовании оскорбительных выражений в тексте отзыва на решение мирового судьи Коломенского уезда Рославлева. Выяснилось, что в тексте решения по делу «Об обмане купцом Николаем Мещаниновым при уплате за купца Лобанова канцелярскому служителю Исаеву денежного долга», рассмотренному ранее, мировой судья Рославлев не указал номер статьи, используемой в качестве основания. В своем отзыве на данное решение Мещанинов предположил, что судья «затруднился выставить цифру статьи вероятно потому, что оной и не существует в Своде» [6, с. 5]. При этом Рославлев пояснил, что цифра статьи могла быть пропущена по причине большого количества посетителей в момент выдачи копии. Мировой съезд передал дело об оскорблении на усмотрение прокурорского надзора, который счел совершенно очевидным оскорбительное в предположении Мещанинова, будто бы мировой судья Рославлев основывает свои решения, «не справляясь с законами». Подсудимый же отвечал, что никакого дурного намерения не имел и действительно усомнился в существовании статьи. Защитник в своих возражениях на предъявленное обвинение обратил

внимание присутствующих на сложность защиты «в таких случаях, где само обвинение почти неуловимо, неосяземо, где самый факт не заключает в себе общих признаков преступления, где нет ни улик, ни доказательств, так что в сущности дела заключается одно недоразумение. Такая защита труднее, чем разбор важных и крупных преступлений <...> Оскорбление должно быть определено точно, ограничено ясными пределами закона. За мерило оскорбления не может быть принята личная обидчивость» [Там же]. Как упоминалось выше, подсудимого объявили оправданным.

По результатам анализа данной публикации можно сделать несколько выводов. Прежде всего, по высказыванию самой редакции, мировой суд пользовался уважением и авторитетом в обществе. Даже с учетом оправдания подсудимого читатель понимает, что попытка, хоть и незначительная, принизить достоинство представителя власти может стать предметом судебного разбирательства с поддержкой обвинения прокурором. Также в данном процессе стоит обратить внимание на справедливость и независимость судей Окружного суда. Пусть они и не являются мировыми, однако же представляют судейский корпус в целом. В данной достаточно сложной ситуации судьи, не выгораживая и не принимая сторону «своего» только лишь по причине принадлежности последнего к судейскому сообществу, выносят решение в соответствии с законом и совестью, как и произнесено было в момент принесении присяги

при вступлении в должность судьи. Периодическая печать, в свою очередь, представляется некой рефлексией общественных процессов и в то же время является формирующим гражданскую позицию инструментом, оказывающим существенное влияние на развитие правового сознания посредством публикуемой информации с авторскими комментариями редакторов издания.

Нельзя не отметить и еще одну важную деталь, прозвучавшую в словах защитника о трудности защиты в подобных делах. Напомню, что дела об оскорблениях были подсудны мировым судьям и сложность их разбора испытывали не только защитники, но в первую очередь сами судьи, когда вынести верное решение порой было труднее, чем разобрать важные и крупные преступления.

Литература

1. Высочайший указ «О введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г.». 19 окт. 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. XL. № 42587.
2. Джаншиев Г. А. Зарудный и Судебная реформа. Историко-биографический эскиз. М. : Тип. Е. Гербе, 1889.
3. Джаншиев Г. Из эпохи великих реформ : ист. справки. 4-е изд., доп. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1893.
4. Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы : сб. ст. М. : Статут. РАП, 2004.
5. Петербургская газета. 1885 г. 23 июня. № 169.
6. Русские ведомости. 1867 г. 1 апр. № 38.
7. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1866.
8. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 дек. 2008 г. № 52 (Ч. I). ст. 6217.
9. Эриашвили Н. Д., Феднева Н. Л. Полиция, МВД и правовое регулирование печати Российской империи в XIX веке // Закон и право. 2024. № 11. С. 43 – 48.

V. V. Gurina

REPRESENTATION OF THE STATUS OF JUSTICE OF PEACE IN THE RUSSIAN PERIODICAL PRESS OF THE LATE 19th CENTURY

This study analyzes the materials of the periodical press that reflected the results of the radical reform of the domestic judicial system. The author focuses on the importance of studying the press in order to better understand the development of legal

consciousness in Russian society at the end of the 19th century. Articles in the newspaper Russkiye Vedomosti of the Moscow Province emphasize the increased public attention to judicial cases, allowing us to conclude that the provisions of the judicial reform regarding the publicity of court proceedings were implemented, as well as the dignified status of judges. The article also highlights the role of the press as a tool of shaping legal consciousness in late imperial Russia.

Keywords: Kolomna District, Magistrates, Moscow Province, Moscow District, Judicial Reform of 1864, Periodicals, Legal Consciousness, Russkiye Vedomosti

УДК 93/94

Н. С. Коваленко

ЗАВОДЧИКИ СТАНИЦЫ ЯРОСЛАВСКОЙ НАЧАЛА XX В. (ШТРИХИ К БИОГРАФИЯМ)

В статье на базе личностного подхода, а также архивных и опубликованных источников воссоздаются биографии Г. Ф. Дёмина, Г. А. Сулицкого и Р. К. Юста, владевших в начале XX в. маслобойными и другими предприятиями в станице Ярославской Майкопского отдела Кубанской области. Определяются примерные годы рождения, происхождение и сословная принадлежность этих заводчиков, освещается частная жизнь, очерчивается социальное окружение, разбирается торгово-промышленная и благотворительная деятельность, устанавливаются даты и обстоятельства смерти. Большинство сведений вводится в научный оборот впервые, что определяет новизну публикации и её полезность для всех, кто интересуется экономическими и социокультурными аспектами российского освоения предгорной Кубани во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Георгий Фёдорович Дёмин, иногородние, коммерсанты, маслобойное производство, Майкопский отдел, предгорная Кубань, Гавриил Алексеевич Сулицкий, экономика, Рихард Карлович Юст, станица Ярославская.

До сегодняшнего дня ни профессиональные историки, ни краеведы почти не озадачивали себя написанием биографий людей, которые во второй половине XIX – начале XX в. владели в предгорной Кубани торгово-промышленными заведениями. Между тем потребность в работах такого рода существует давно. В рамках данной статьи мы попытались обобщить добытые нами сведения о закубанских

коммерсантах Г. Ф. Дёмине, Г. А. Сулицком и Р. К. Юсте, которые по состоянию на 1903 г.¹ имели маслобойные заводы в станице Ярославской Майкопского отдела Кубанской области [67, стб. 226].

¹ Наряду с Г. Ф. Дёминым, Г. А. Сулицким и Р. К. Юстом маслобойней в Ярославской в указанный период владел майкопский купец А. А. Кучин, которому посвящено отдельное исследование [36].

Начнём с Георгия (Егора) Фёдоровича Дёмина (ок. 1838 – 1905), фамилия которого может указывать на родство с людьми, владевшими до революции 1917 г. крупнейшими на Северном Кавказе винокуренными предприятиями [63, с. 121]. В доступных источниках данный предприниматель фигурирует в четырех ипостасях, отражавших разные этапы его жизни: «ставропольский 2-й гильдии купец», «города Ставрополя купеческий сын», «купец 2-й гильдии города Майкопа» и «майкопский мещанин» [19, л. 3об., 161об.; 4, л. 96об.; 6, л. 15об.]. Доказательством же того, что все вышеперечисленные эпитеты употреблялись по отношению к одному человеку, является общность имени и отчества жены: и у ставропольского купца 2-й гильдии, и у купца 2-й гильдии города Майкопа, и у майкопского мещанина Г. Ф. Дёмина супругу звали Надежда Яковлевна.

По состоянию на начало 1870-х гг. Георгий Фёдорович вместе со своей первой женой Марфой Никифоровной (ок. 1842 – 1872) проживал в станице Губской. Возможный ответ на вопрос, чем купца могло привлечь столь удалённое от Ставрополя место, был обнаружен нами в «Памятной книжке Кубанской области на 1875 год». В данном источнике, помимо всего прочего, говорится следующее: «Жители (станицы Губской. – Н. К.) трудолюбивы и нравственны; занимаются преимущественно земледелием в размерах, превышающих местную потребность, и потому станица эта со временем обещает обратиться в местную житницу, могущую снабжать

зерновым хлебом в больших количествах за свои пределы» [55, с. 126]. Таким образом, мотивы, приведшие Дёмина в Закубанский край, вполне могли укладываться в ту причинную триаду, которую применительно к другим купцам, оседавшим в станицах, выделил историк В. В. Бондарь. Речь идёт о близости к сырьевой базе, слабой конкуренции и возможности получать большие прибыли, осуществляя неэквивалентный обмен с товаропроизводителями [16].

Метрические книги Спасо-Преображенской церкви станицы Губской, хранившиеся до конца 2021 г. в архивном отделе администрации Мостовского района, позволили нам составить лишь самое приблизительное представление о круге общения семьи Дёминых, который на самом деле, разумеется, не ограничивался кумовьями. Вместе с тем за отсутствием иных источников, содержащих информацию по указанной проблеме, значение церковных записей возрастает. Детей Георгия Фёдоровича, родившихся в Губской, крестили штабс-капитан 75-го Севастопольского полка В. Я. Максимович, дочь есаула М. А. Фисенко, купец А. А. Чубаров и жена урядника А. С. Фисенко [3, л. 3об., 161об.]. Сам Дёмин, как минимум, дважды (в 1871 и 1874 г.) принимал от купели сыновей станичного священника и по совместительству благочинного церкви 14-го округа Кубанской области Александра Афанасьевича Широгорова (ок. 1840 – 1913) [19, л. 23об., 162об.; 59; 61]. Это со всей очевидностью говорит о том, что между означенным лицом духовного звания и

купцом существовали достаточно близкие отношения. Они сохранялись и во время проживания обоих в Ярославской, куда Широков был перемещён по собственной просьбе в марте 1883 г., после того как прежний настоятель Сергиевской церкви данной станицы Дмитрий Иванович Скубачевский скончался от апоплексического удара [34; 60].

В рамках настоящего исследования мы не смогли ответить на вопросы, как долго продолжался брак Георгия Фёдоровича и Марфы Никифоровны и сколько детей было в нём нажито, потому что метрические книги Спасо-Преображенской церкви станицы Губской, датировавшиеся периодом с 1862 по 1870 г., утрачены. Сохранившиеся же документы сообщают о рождении Марфой Никифоровной только одного ребёнка – дочери Анны [3, л. 3об., 4]. Эта девочка, появившаяся на свет в феврале 1871 г. и прожившая всего год и 5 месяцев, стала жертвой «младенческой болезни» [Там же, л. 92об., 93]. Вскоре после её кончины 31 августа 1872 г. в возрасте 30 лет преставилась и сама Марфа Никифоровна. Причиной её ухода, согласно метрикам, стала чахотка [Там же, л. 97об., 98].

Менее чем через год после смерти первой жены Г. Ф. Дёмин обвенчался с женщиной по имени Надежда Яковлевна. Это событие не было отражено в доступных церковных материалах Губской станицы, что может объясняться либо тем, что оно произошло в каком-то другом месте, либо тем, что до нас дошёл лишь тот экземпляр метрической книги, в кото-

ром по неизвестным причинам не была сделана соответствующая запись. Между тем вторая женитьба Георгия Фёдоровича, по всей видимости, имела место в период, ограниченный «снизу» датой 9 октября 1872 г., а «сверху» – датой 25 июня 1873 г. Эти рамки были определены следующим образом. Как православный человек Дёмин в соответствии с церковными предписаниями был обязан носить сорокадневный траур по усопшей супруге, т. е. с 31 августа по 9 октября 1872 г. При этом следует понимать, что скорбеть по безвременно ушедшей жене купец в действительности мог и большее количество времени. Что же касается верхней границы, то 25 марта 1874 г. у Георгия Фёдоровича и его новой избранницы родилась дочь Антонина [Там же, л. 161об., 162]. Забеременеть ею Надежда Яковлевна при нормальном развитии событий должна была примерно девятью месяцами ранее. Отсчитав их от дня рождения Антонины, мы получили дату 25 июня 1873 г., которую для достоверности необходимо сопроводить пояснением «плюс-минус несколько дней (недель)».

Во второй половине 1870-х либо в самом начале 1880-х гг. Г. Ф. Дёмин получил свидетельство майкопского купца 2-й гильдии и обосновался вместе с семьёй в станице Ярославской Майкопского уезда Кубанской области. Переезд туда мог быть связан с тем, что в указанный период Губская потеряла статус одного из торговых центров бассейна Верхней Лабы. До конца 1870-х гг. в ней ежегодно устраивались ярмарки, которые,

однако, как отмечалось в «Памятной книжке Кубанской области на 1875 год», правильнее следовало бы называть базарами, потому что они имели незначительные обороты [55, с. 127]. Последнее обстоятельство Е. М. Багаева объясняет «весьма неблагоприятными условиями для подвоза и сбыта продукции» [15, с. 41]. В свою очередь, станция Ярославская, никогда не являвшаяся пунктом ярмарочной торговли, выигрывала у Губской за счёт своего более выгодного экономико-географического положения.

Водворившись в Ярославской, Дёмины довольно быстро смогли найти общий язык с представителями местной казачьей элиты. В частности, уже в феврале 1881 г. Надежда Яковлевна вместе с сотником Михаилом Никитичем Труфановым приняла от купели одного из сыновей урядника Андрея Михайловича Тисковского [4, л. 7об., 8; 11, л. 174об., 175]. Сведений о предпринимательской деятельности Г. Ф. Дёмина в это время пока не обнаружено. Вместе с тем известно, что в начале 1880-х гг. купца постигла очередная утрата: во время эпидемии дифтерита, 6 декабря 1881 г. скончался его четырёхлетний сын Георгий [Там же, л. 96об., 97]. В дальнейшем же жена подарила ему других наследников: 4 мая 1882 г. – сына Виталия, 1 марта 1890 г. – сына Алексея, 8 июня 1894 г. – сына Владимира, 8 мая 1896 г. – дочь Елену [Там же, л. 121об., 122; 6, л. 15об., 16; 7, л. 240об., 241; 8, л. 209об., 210].

В справочнике «Вся Россия», который был издан в 1900 г., но при этом, очевидно, вобрал в себя инфор-

мацию за более ранний период, Г. Ф. Дёмин уже фигурировал как собственник маслобойни. Данное предприятие служило местом работы для шести человек и функционировало благодаря установленному на нём паровому двигателю мощностью в шесть лошадиных сил [20, стб. 2622]. Ярославский старожил И. Бочаров рассказывал, что Г. Ф. Дёмин был первым человеком, построившим в станции Ярославской маслобойный завод. Но у нас есть основания сомневаться в достоверности этих сведений, потому что далее Бочаров сообщал: «Вскоре завод Дёмина сгорел. Он, получив 25 тыс. рублей страховых, куда-то уехал» [17]. Старожил предполагал, что причиной отъезда Георгия Фёдоровича стала «нечистая совесть». Вызывает подозрения поразительная осведомлённость Бочарова в финансовых делах человека, в чьё окружение он, однозначно, не входил. Более того, никакого отъезда Дёмина из Ярославской не было, поскольку, как нам удалось установить, 20 января 1905 г. 67-летний Георгий Фёдорович скончался в данном поселении от старческого маразма [13, л. 168об., 169]. Судя по всему, смерть и похороны промышленника прошли для определённой части станичников незаметно, что впоследствии привело к возникновению в их кругах легенды о его отъезде. К числу этих людей и принадлежал И. Бочаров, который в 1961 г. поделился данным мифом с газетой «Путь к коммунизму».

Приступая к рассмотрению биографии екатеринодарского мещанина Гавриила Алексеевича Сулицкого,

следует отметить, что он был крупным заводчиком, владевшим недвижимостью в нескольких населённых пунктах Кубанской области (станции Ярославской, селе Армавир). Подобно Г. Ф. Дёмину, Сулицкий появился в Ярославской во второй половине XIX в. Самое раннее его упоминание в материалах местной Сергиевской церкви относится к 3 марта 1881 г. В этот день от воспаления лёгких скончалась его жена Ульяна Родионовна, которая спустя двое суток обрела вечное пристанище на станичном кладбище. Согласно метрической записи, на момент смерти женщине было всего 25 лет [4, л. 77об., 78]. Это известие послужило основанием для предположения о времени рождения самого Г. А. Сулицкого. Исходя из того что он, вероятнее всего, был ровесником своей почившей супруги, его появление на свет можно было бы датировать примерно 1856 г. Вместе с тем, принимая во внимание то, что до революции 1917 г. мужчины нередко вступали в брак с женщинами, которые были старше, чем они сами, мы решили, что до обнаружения документов, способных пролить дополнительный свет на этот вопрос, рождение Гавриила Алексеевича правильнее будет отнести к середине – второй половине 1850-х гг.

Смерть Ульяны Родионовны была не единственной потерей, выпавшей на долю екатеринодарского мещанина в 1881 г. Спустя 7 месяцев после её ухода Сулицкому пришлось похоронить свою полуторагодовалую дочь Марию [Там же, л. 92об., 93]. Траур по девочке Гавриил Алексеевич

носил недолго. Такой вывод логически вытекает из записи в метриках Сергиевской церкви станицы Ярославской от 28 октября 1881 г., сообщающей, что спустя 21 день после похорон Марии предприниматель выступил одним из поручителей со стороны невесты на свадьбе крестьян Харьковской губернии Г. А. Хижняка и У. Д. Шелиханёвой. Интересно, что в этом торжестве также принимал участие брат Гавриила Алексеевича по имени Михаил [Там же, л. 64об., 65].

На данный момент мы не смогли выявить сведений о занятиях братьев Сулицких в Ярославской в 1880-е гг. При этом трудно отрицать, что и тогда, и впоследствии они пользовались в указанном пункте большим уважением. Об этом красноречиво свидетельствуют метрические книги местной Сергиевской церкви, на страницах которых представлены неоднократные участия Гавриила и Михаила Алексеевичей в крестинах детей казаков и лиц невойскового сословия. Из обозначенных материалов мы, в частности, узнали, что Г. А. Сулицкий в июле 1881 г. принял от купели сына коренного станичника К. И. Епика, в январе 1882 г. – сына мещанина города Майкопа Т. М. Кравченко, в августе 1893 г. – сына крестьянина Орловской губернии Ф. С. Балалаева [4, л. 32об., 33, 106об., 107; 7, л. 57об., 58]. При этом из метрик видно, что общее число его крестников заметно уступало количеству младенцев, в разное время приобщённых к Богу Михаилом Алексеевичем. Большая активность последнего в качестве восприемника могла объясняться тем, что

он прибыл в Ярославскую раньше Гавриила Алексеевича, вследствие чего уже в начале 1880-х гг. обладал более широким кругом друзей и знакомых, проявлявших интерес к вступлению с ним в искусственное родство.

Изучение источников демонстрирует, что в судьбах братьев Сулицких имелись общие моменты. В частности, Михаил за несколько лет до Гавриила тоже лишился первой супруги. 22-летняя Агафья Пименовна скончалась от последствий родов 15 января 1876 г. и спустя двое суток была похоронена на майкопском кладбище [50, л. 193об., 194]. Для Михаила тот год ознаменовался не единственной потерей: 6 апреля «от простуды» умерла его дочь Татьяна [Там же, л. 213об., 214]. В метрической книге Александровской церкви города Майкопа, сообщающей о кончине девочки, говорится, что на момент ухода из жизни ей было два месяца, хотя в действительности (судя по тому, что Агафьи Пименовны, разрешившейся ею, не стало ещё в середине января 1876 г.) она была старше. Не исключено, что общность трагедий, с которыми в разное время пришлось столкнуться Сулицким, способствовала сближению и взаимопониманию братьев, что, впрочем, не отменяет того, что с конца XIX столетия они проживали в разных местах.

В станице Дондуковской, где в неизвестный момент обосновался Михаил Алексеевич, у него, по сведениям на 1903 г., имелась мельница. Она была устроена на земле общинного владения местных казаков, заарендованной Сулицким на 8 лет с условием

уплаты станичному обществу 20 рублей с каждого постава в году [41]. Учитывая, что соответствующему приговору общественного сбора Дондуковской не предшествовало проведение торгов [Там же], можно предположить, что для станичной администрации кандидатура Михаила Алексеевича как арендатора была чрезвычайно выгодна.

Касательно предпринимательской деятельности Г. А. Сулицкого в конце XIX – начале XX в. следует сказать, что в указанный период он владел в Ярославской паровой молотилкой и торговал бакалейным и зерновым товарами [19, стб. 1950 – 1951]. В 1898 г. он открыл в станице маслобойный завод, который, согласно торгово-промышленным справочникам, был оснащён паровым двигателем и имел 15 рабочих. На данном предприятии осуществлялась выработка подсолнечного масла и жмыхов. При этом годовая производительность, по сведениям на 1909 г., составляла 35 тыс. руб. [56, с. 230; 21, стб. 2598; 33, № 2642]. В неуставленное время Сулицкий обзавёлся также поташными заводами в Ярославской и Армави-ре, которые в 1908 г. передал в собственность «Общества Кавказских химических заводов» («Окахиза»). Данное объединение было учреждено Гавриилом Алексеевичем совместно с потомственным почётным гражданином Г. Е. Тер-Азарьевым, крестьянином Саратовской губернии И. И. Галаниным, новороссийским купцом Г. Р. Вильде и прочими северокавказскими промышленниками «с целью улучшения качеств поташа и других

химических продуктов и развития непосредственных торговых сношений с иностранными рынками». В структуре уставного капитала «Окахиза» (1200 тыс. руб.) доля Сулицкого составляла 6,7 % (80 тыс. руб.). По этому показателю его опережал лишь один учредитель, екатеринодарский купец А. А. Коваленко (100 тыс. руб., или 8,3 %) [2, с. 92; 18, стб. 1370; 27, л. 1; 64, с. 2296].

Поташный завод Сулицкого в Ярославской в 1908 г. оценивался в 20 тыс. руб. и имел площадь примерно в 1500 квадратных саженей. Этой землёй Гавриил Алексеевич пользовался на правах аренды [62, л. 34, 35], уплачивая в начале XX в. ежегодно посаженную плату в сумме около 60 руб. [37]. Параллельно выработке углекислого калия предприятие занималось выделкой кож. При этом в производственном процессе было задействовано 10 человек [56, с. 228]. Об армавирском заводе Сулицкого, в свою очередь, известно, что он занимал приблизительно 2400 квадратных саженей земли, находившейся в полной собственности заводчика [62, л. 35]. Более внушительные размеры этого предприятия по сравнению с ярославским заводом обуславливали его более высокую стоимость, которая составляла на 1908 г. 30 тыс. руб. [Там же, л. 34].

Необходимо отметить, что в краеведческих публикациях советского периода образ Г. А. Сулицкого предстаёт перед нами в сильно искажённом виде. Так, Н. И. Харченко явно лукавил, когда утверждал, что у предпринимателя имелся пивной

завод в Армавире. Не находит документального подтверждения и тезис краеведа о наличии у Гавриила Алексеевича «по всей округе» пивнушек [69]. Вместе с тем мотивы, которыми руководствовался Н. И. Харченко, давая краткую характеристику екатеринодарскому мещанину, вполне понятны. Он стремился показать, что Сулицкий не только эксплуатировал население предгорной Кубани, но и спаивал его, т. е. был одиозен вдвойне.

Для объективной оценки личности Г. А. Сулицкого представляется важным освещение его подвижнической деятельности, и в частности той роли, которую он на исходе собственной жизни сыграл в распространении начального образования среди иногородних станичников.

К началу XX в. на необходимость открытия в станице Ярославской школы для детей невоицкого сословия указывали следующие обстоятельства. Во-первых, всероссийская перепись 1897 г. в очередной раз подтвердила давно известный факт преобладания здесь переселенцев из внутренних губерний. Согласно вторым экземплярам переписных листов, их численность составляла 5,3 тыс. человек, или 63 % станичного населения [44, с. 232]. Во-вторых, вся эта людская масса была сильно ограничена в возможности получать даже самые элементарные знания. Учебных заведений, в которых обучался только пришлый элемент, в Ярославской к началу XX в. не было. Что же касается одноклассного училища, находившегося в ведении Министерства народного просвещения, то за годовое

обучение в нём с лиц невойскового сословия взималась плата в размере трех рублей [47, л. 22]. Исходя из того что по состоянию на 1902 г. в этой школе насчитывалось 145 учащихся, из которых лишь четверо (2,8 %) не принадлежали к Кубанскому казачьему войску [Там же], можно сделать вывод, что вышеуказанная сумма была неподъёмной для многих иногородних. Неравный доступ к начальному образованию провоцировал напряжённость в отношениях между двумя категориями станичников, что в будущем могло привести к непредсказуемым последствиям. Осознавая это, местная администрация в лице атамана Дмитрия Дмитриевича Храпова взяла курс на ликвидацию конфликтного фактора, поддержав инициативу по скорейшему открытию в Ярославской иногороднего училища.

В неустановленный момент в станице прошёл сбор лиц невойскового сословия, которым были назначены уполномоченные для ходатайства перед соответствующими инстанциями об учреждении школы для иногородних. Подачу самого прошения, как можно понять из доступных документов, было решено предварить устройством временного помещения для учебных занятий. В качестве такового было избрано бывшее здание церковно-приходской школы, которое в силу своих размеров не могло вместить одновременно больше 22 учеников. Первоначально новое учебное заведение планировалось назвать Николаевским (в честь российского монарха Николая II, царствовавшего в 1894 – 1917 гг.), но в дальнейшем от данной

идеи отказались [39; 45, л. 32; 47, л. 12].

Между тем 31 декабря 1901 г. Г. А. Сулицкий вместе с майкопским мещанином Р. К. Юстом приобрели у отставного фельдшера Я. В. Остапушенко земельный участок с садом площадью 270 квадратных саженей (за 250 руб.) и дом под снос (за 500 руб.). В документах жилое строение, купленное Гавриилом Алексеевичем и Рихардом Карловичем, описывалось как «благоприобретённый дом, деревянный, рубленый, о трёх комнатах с коридором, крытый дранью» [45, л. 1, 2]. В свою очередь, сад, ранее принадлежавший Я. В. Остапушенко, располагался в самом центре Ярославской, на углу церковной площади. С северо-востока к нему примыкало подворье крестьянина Митрофана Никитина, с северо-запада – участок казака Тимофея Тисленко, а с запада – улица, которая сегодня носит имя деятеля болгарского и международного рабочего и коммунистического движения Георгия Димитрова [Там же, л. 2]. Согласно источникам, в саду, огороженном плетнём, произрастало 100 фруктовых деревьев, имелся сарай [Там же, л. 2]. Покупая недвижимость, Сулицкий и Юст заведомо собирались пожертвовать её в пользу училища для детей невойскового сословия, что и было ими впоследствии сделано.

К 2 января 1902 г. временное помещение для иногородней школы было полностью готово. Ссылаясь на это обстоятельство, уполномоченные от жителей невойскового сословия В. К. Стояновский, Г. А. Сулицкий, Р. К. Юст и В. А. Говорков обратились

к инспектору народных училищ IV района Кубанской области с просьбой сделать распоряжение о назначении в новое учебное заведение преподавателя [47, л. 12]. Это прошение, как можно понять из содержания более поздних материалов, было удовлетворено, и вакантное учительское место занял Е. П. Пальников (занимал его по состоянию на 14 октября 1902 г. [Там же, л. 36об.]), которого довольно скоро сменил А. Т. Левицкий.

Вместе с тем начало работ по возведению для иногородней школы специального здания требовало улаживания вопроса о выделении на стройку леса из Нижне-Фарской казённой дачи, что не могло быть осуществлено без одобрения министра государственных имуществ. Впервые эта проблема была поднята в заявлении уполномоченных от иногороднего общества станицы Ярославской от 4 января 1902 г., но, как явствует из документов, в течение двух последующих месяцев со стороны инспектора народных училищ IV района Кубанской области не последовало никаких действий по её устранению [Там же, л. 16]. В связи с этим уполномоченные сочли правильным обратиться в инспекцию повторно. В заявлении от 8 января 1902 г., подписанном личным почётным гражданином В. К. Стояновским, содержалась настоятельная просьба добиться в кратчайшие сроки разрешения министра на отпуск казённого леса. В противном случае, по утверждению Василия Константиновича, уполномоченные оставляли за собой право «отказаться от принятой на себя обязанности и обратиться за

помощью в духовное ведомство, где подобные дела быстрее разрешаются». Этот своеобразный ультиматум заявитель объяснял тем, что из-за промедления «народ уже относится с недоверием к осуществлению постройки училища М. Н. П.» [Там же, л. 23].

Обращение В. К. Стояновского в инспекцию народных училищ IV района Кубанской области возымело неоднозначный эффект: Министерство государственных имуществ разрешило предоставить строящейся школе 550 брёвен из Нижне-Фарской казённой лесной дачи, но не бесплатно, как того просили уполномоченные от иногороднего общества станицы Ярославской, а по полутаксе. Через некоторое время после этого для забот о нуждах вновь учреждённого училища было образовано попечительство, взявшее билет на вырубку и вывоз в срок до 1 апреля 1903 г. 178 бревён. С транспортировкой этих материалов в Ярославскую к указанной дате неожиданно возникли сложности: помощник лесничего Предгорной дачи стал предъявлять к представителям попечительства требование свозить предварительно все срубленные деревья в кучи для замера их параметров. Осознавая, что при таком развитии событий вывезти лес в отведённое время может не получиться, попечительство обратилось к управляющему государственными имуществами в Екатеринодаре за разрешением транспортировать древесину на пасхальной неделе [39]. О том, каковы были последствия этого ходатайства, и встретило ли оно понимание, ничего неизвестно.

Из источников, имеющихся в нашем распоряжении, отчётливо видно, что Г. А. Сулицкий, ставший в 1902 г. почётным блюстителем Ярославского иногороднего училища, не только сыграл выдающуюся роль в появлении означенного учебного заведения, но и активно участвовал в решении его насущных проблем. Дом, ранее принадлежавший Я. В. Остапуценко, он перестроил под квартиру учителя, что обошлось ему в 360 руб. [45, л. 1об.]. Строительство училищного здания Гавриил Алексеевич также осуществлял единолично. В качестве усадебного места им был использован сад, который он, как отмечалось выше, приобрёл у отставного фельдшера Остапуценко в компании с Р. К. Юстом. К слову, возведение школы для иногородних предприниматели, как рапортовал заведующий Ярославским одноклассным училищем М. А. Купреев, первоначально тоже собирались вести совместно [47, л. 29об.], но в конечном итоге, возможно, из-за смертельной болезни Рихарда Карловича, этим занимался только екатеринодарский мещанин. Как явствует из документов, строительные работы, в которые Сулицким было вложено 3400 руб., были завершены в период между 15 сентября и 6 декабря 1903 г., т. е. уже после начала очередного учебного года [45, л. 2об., 12, 32]. В результате в центре Ярославской, на северо-восточном углу церковной площади, появилось одноэтажное кирпичное здание под железной крышей, которое сегодня занимает детская библиотека (ул. Димитрова, № 13).

Освящение иногороднего училища состоялось 6 декабря 1903 г., в день, когда Русская православная церковь вспоминала Николая Чудотворца. В ознаменование столь важного события Гавриил Алексеевич принёс в дар школе висячую лампу (12 руб.) и портреты царствующих императора и императрицы (6 руб.). Наряду с ним пожертвования сделали члены попечительства А. А. Кучин (портреты Николая II и Александры Фёдоровны в 6 руб. и материя для флагов на 2 руб.), И. Т. Богословский (икона Спасителя в 3 руб. 50 коп. и материя для флагов на 2 руб. 50 коп.) и В. К. Стояновский (лампада в 4 руб.). Кроме того, по окончании молебна посильными взносами разных лиц было собрано 19 руб. 20 коп. на приобретение учебных пособий по Закону Божьему [45, л. 12].

Благодаря регулярным рапортам заведующего Ярославской школой для иногородних А. Т. Левицкого о неформальном отношении Г. А. Сулицкого к обязанностям почётного блюстителя стало известно инспектору народных училищ IV района Кубанской области В. Подольскому. В своём письме к Антону Тимофеевичу от 17 декабря 1903 г. он просил «немедленно (чрез нарочного) прислать» как можно больше данных о деятельности Гавриила Алексеевича на занимаемой должности, а также сообщить о его сословно-классовой принадлежности, служебной карьере и награждениях [Там же, л. 21]. Получив это послание, А. Т. Левицкий 20 декабря 1903 г. дал на него довольно обстоятельный ответ: «<...> имею

честь донести Его Высокородию, что почётный блюститель вверенного мне училища (сверху другим почерком дописано «Яросл. для ин. учил. I кл.». – *Н. К.*) Сулицкий – мещанин г. Екатеринодара, высочайших наград никаких не получал, никакой должности и ни в каком учреждении не занимал и не занимает, воспитание получил домашнее, в должности почётного блюстителя состоит с 1902 года, в пользу училища сделал следующие пожертвования:

1) На покупку усадебного места – 370 руб.

2) Построил кирпичное здание училища – 3400 р.

3) Перестроил дом для квартиры учителя – 360 руб.

4) На содержание училища в текущем году – 130 руб.

5) Висячую лампу для класса – 12 р.

6) Портреты государя императора и государыни императрицы – 6 р.

А всего четыре тысячи двести семьдесят восемь руб. (4278 р.).

Кроме того, Сулицкий несёт и личный труд в пользу школы: собирает пожертвования и вообще старается по возможности устранять нужды школы.

Постройку сарая, погреба и деревянной огорожи двора также взял на себя Сулицкий, но расход для этого в настоящее время (по состоянию на 20 декабря 1903 г. – *Н. К.*) не может быть определён <...>» [45, л. 10 – 10об.].

Впоследствии Гавриил Алексеевич продолжал проявлять всемерную заботу о вверенном ему училище. Так, например, известно, что к 4 мая 1904 г.

он всё-таки построил для иногородней школы сарай и огородил двор, потратив на это в общей сложности 6 руб., а также пожертвовал учащимся сладостей на 3 руб. [Там же, л. 36, 37]. В донесении учителя А. Т. Левицкого инспектору народных училищ IV района Кубанской области от 25 ноября 1904 г., в свою очередь, сообщалось, что заводчик на собственные средства переделал печь в классной комнате и покрасил пол, окна и двери, что обошлось ему в 20 руб. [Там же, л. 41]. Всего на содержание учебного заведения Сулицким в течение 1904 г. было израсходовано 210 руб. Вероятно, данная цифра не являлась окончательной, поскольку соответствовала величине пожертвований Гавриила Алексеевича лишь по состоянию на 26 ноября 1904 г. [Там же, л. 42].

В отчёте, составленном по итогам посещения Ярославской иногородней школы в начале 1905/06 учебного года, инспектор народных училищ IV района Кубанской области сообщал, что Сулицкий обеспечивает учебное заведение отоплением и охраной, а также приобретает для него учебники, учебные принадлежности и наглядные пособия [48, л. 119об.].

Говоря о подвижнической деятельности Сулицкого, следует упомянуть о том, что в период русско-японской войны 1904 – 1905 гг. он входил на правах действительного члена в Ярославский временный местный комитет Российского общества Красного Креста [58]. В рамках этого объединения он проводил сбор средств в поддержку больных и раненых русских воинов и их семей [57].

Параллельно Гавриил Алексеевич оставался почётным блюстителем иногороднего училища, стараясь по мере сил и возможностей следить за его материальным положением и надлежащей постановкой учебно-воспитательного процесса. В 1905 г. попечитель Кавказского учебного округа в именном письме выразил Сулицкому благодарность за пожертвование на содержание школы 210 руб. [42], а 9 апреля 1907 г. за усердное исполнение обязанностей заводчику была пожалована нашейная серебряная медаль на Станиславской ленте [22].

В 1906 г. Гавриил Алексеевич был в числе присяжных заседателей Майкопского отдела Кубанской области [54]. Основаниями для привлечения его к отбытию данной повинности были пребывание в русском подданстве, умение читать по-русски, проживание в широкой округе города Майкопа более двух лет, а также соответствие требованиям имущественного ценза.

Долгое время оставалось неизвестным, когда, где и по какой причине Г. А. Сулицкий покинул наш мир. По косвенным свидетельствам можно было с полной уверенностью утверждать, что это случилось в неустановленный момент времени между 22 апреля и 9 июля 1908 г. «Нижней» границей этого периода служило собрание учредителей «Окахиза» в Екатеринодаре, на котором был согласован и подписан проект устава данного общества [2, с. 91 – 92]. Гавриил Алексеевич, как явствует из протокола, там присутствовал [27, л. 1 – 1об.]. Что же касается второй рубежной

точки, то она связана с наиболее ранней публикацией в «Кубанских областных ведомостях» сообщения о вызове мировым судьёй 4-го участка Майкопского округа наследников Сулицкого для предъявления прав на движимое и недвижимое имущество, оставшееся после него в станице Ярославской [35]. В свете всего вышесказанного мы полагали, что заводчик скончался, едва разменяв шестой десяток, и что утверждение императором Николаем II устава «Окахиза», которое состоялось 5 февраля 1910 г., он уже не застал. Отсутствие сведений о его смерти в метрической книге Сергиевской церкви за 1908 г., в свою очередь, закономерно наводило на мысль, что она наступила в каком-то другом пункте. Вместе с тем в связи с неудовлетворительным физическим состоянием указанного источника мы не исключали того, что листы с интересующей нас информацией были утрачены.

Максимально приблизиться к решению вопроса о времени смерти Сулицкого нам позволила секретная записка об учредителях «Окахиза», поступившая в начале 1909 г. в Отдел торговли Министерства торговли и промышленности из канцелярии наказного атамана Кубанского казачьего войска. В ней говорилось, в частности, что Гавриил Алексеевич умер 1 июля 1908 г. [62, л. 48об.]. В стремлении проверить эту дату мы обратились к материалам Николаевской церкви села Армавир (до этого прорабатывались метрические книги Дондуковской, Костромской, Лабинской и Махошевской станиц), которые продемонстрировали её неверность. Как

оказалось, в реальности Гавриил Алексеевич скончался на месяц раньше – 2 июня 1908 г. «от апоплексического удара», или кровоизлияния в мозг. На момент смерти ему, согласно метрике, было 55 лет [31, л. 348об.], что означает его рождение около 1853 г. и, как следствие, несостоятельность предлагавшейся нами ранее датировки (середина – вторая половина 1850-х гг.). Отсутствие отметки в столбце о предсмертных исповеди и причастии подчёркивает скоротечность кончины Сулицкого, её неожиданность как для него самого, так и для его окружения. Несмотря на это, погребение заводчика состоялось уже на следующие сутки. Его совершили на приходском кладбище села Армавир священник Георгий Чмутов и псаломщик Евгений Шведов [Там же, л. 349].

Позднее в материалах Александровской церкви города Майкопа нами была обнаружена информация о том, что со своей первой супругой Ульяной Родионовной Гавриил Алексеевич обвенчался 10 апреля 1874 г. в возрасте 20 лет [49, л. 190об.]. Тем самым была подтверждена приблизительная дата его рождения. Кроме того, запись о венчании пролила свет на целый ряд второстепенных вопросов. Во-первых, речь идёт о происхождении Ульяны Родионовны. Из означенного документа явствует, что она появилась на свет около 1856 г., до выхода замуж носила фамилию Зайцева и была приписана к крестьянскому сословию деревни Николаевки Екатеринославской губернии [Там же, л. 190об.]. Во-вторых, в свете того, что

в метрике Ульяна Родионовна была названа «девицей» [Там же, л. 190об.], не приходится сомневаться в том, что брак с Гавриилом Алексеевичем, продлившийся 6 лет 10 месяцев и 21 день, был для неё первым и единственным в жизни. В-третьих, метрика, а точнее, сведения о поручителях, содержащиеся в ней, немного расширили наши представления о круге общения молодого Сулицкого. Согласно метрике, со стороны коммерсанта брак засвидетельствовали крестьяне Астраханской губернии Н. И. Литвинов и М. М. Линько, а со стороны его невесты – мещане города Ейска Кубанской области Л. Ф. Гончаров и Н. С. Корочинский [Там же, л. 191].

После смерти Гавриила Алексеевича опекуном над его имуществом стал отставной коллежский регистратор Филимон Васильевич Ефремов. 18 июля 1909 г. собрание учредителей «Окахиза» удовлетворило просьбу этого человека об исключении Сулицкого из своего состава. Для соблюдения юридических формальностей последовало постановление об обращении с соответствующим ходатайством к министру торговли и промышленности [28, л. 2]. 27 июня 1910 г. ввиду малолетства наследников покойного заводчика (их имена нам неизвестны) капитал, определённый на его долю 22 апреля 1908 г., было решено распределить между действующими учредителями [Там же, л. 1]. Вскоре после этого Ф. В. Ефремов предложил обществу заарендовать бывшие поташные заводы Сулицкого в Ярославской и Армавире. Собрание учредителей

«Окахиза» 19 июля 1910 г. поддержало данную инициативу и поручило своему Правлению предпринять необходимые меры [28, л. 4]. Вместе с тем на практике события получили несколько иное развитие.

Как явствует из архивных источников, Ф. В. Ефремов, действуя от имени наследников Гавриила Алексеевича, проявил непоследовательность. Изначально 26 июля 1910 г. он сдал армавирский завод покойного в аренду сроком на 5 лет торговому дому братьев И. и Г. Бабаевых. Договор должен был вступить в силу через 6 дней, т. е. 1 августа, но уже 30 июля предприятие при посредничестве Ефремова было продано трем учредителям «Окахиза» – Алексею Коваленко, Ивану Галанину и Абраму Шаповалову. Прибыв 31 июля 1910 г. в Армавир для сдачи завода новым владельцам, Филимон Васильевич увидел, что Бабаевы досрочно приступили к его эксплуатации. Допустить Ефремова до предприятия они отказались, сославшись на то, что действуют в соответствии с ранее заключённым договором [30, л. 2, 2об., 4].

Впоследствии завод оставался в руках братьев Бабаевых. Накануне Первой мировой войны его суточная производительность колебалась в пределах от 800 до 10 00 пудов углекислого калия. Затем предприятие вошло в состав акционерного общества «Саломас» и после реконструкции, проведённой в 1915 г., стало вырабатывать примерно 1/5 часть всего кубанского поташа (около 1000 пудов в сутки). В регионе его ближайшими конкурентами были Усть-Лабинский и Архан-

гельский заводы «Окахиза», производившие за день соответственно 600 и 500 пудов продукции [40, с. 170].

Более запутана история бывшего поташного завода Сулицкого в станице Ярославской. В списке предприятий «Окахиза» по состоянию на 22 августа 1910 г. он уже не фигурирует [29, л. 4об., 5], и это обстоятельство навело нас на мысль, что через какое-то время после смерти Гавриила Алексеевича его могли упразднить. Подобная версия вполне согласуется с содержанием фундаментальной работы «Масличные растения, маслобойная и поташная промышленность в Кубанском крае», в которой, в частности, говорилось: «Общество (имеется в виду «Окахиз». – *Н. К.*) закрыло [в 1910 г.] ряд мелких заводов, перешедших в его руки, но зато закупка сырья и всё производство сделались более регулярными и экономными» [43, с. 237].

Вместе с тем имеются основания полагать, что на самом деле после кончины Г. А. Сулицкого его предприятие не перестало существовать, а просто было выведено из состава «Окахиза», продолжив при этом работать в штатном режиме. На вероятность такого развития событий указывает факт наличия в Ярославской накануне и после революции 1917 г. поташного завода, принадлежавшего одному из братьев Галаниных [Там же, с. 243]. Выше мы уже говорили о продаже недвижимости Сулицкого в селе Армавир и полагаем, что Ф. В. Ефремову, опекавшему имущество заводчика, ничего не мешало поступить аналогично с ярославским

предприятием. Источники, подтверждающие это, пока не обнаружены, но кажется маловероятным, что Галанин перед Первой мировой войной с нуля построил в Ярославской поташный завод. С его стороны было бы гораздо логичней приобрести и модернизировать посредством замены оборудования уже существующее предприятие. Если это предположение верно и завод Сулицкого в неизвестный момент действительно стал собственностью Галанина, то у нас появляется возможность уточнить, где он располагался, поскольку ярославский старожил Н. Фомин в 1961 г. рассказывал следующее: «Крупным был и поташный завод лабинского богача Галанкина (в источнике фамилия предпринимателя зафиксирована именно в таком виде. – Н. К.). Этот завод находился на месте нынешней конторы “Заготскототкорм”» [68].

Следует заметить, что отношения между «Окахизом» и наследника-

ми Сулицкого складывались непросто. Это видно из того, что 15 апреля 1912 г. правление общества поручило юрисконсульту В. В. Климову предъявить к ним иск [29, л. 34об.], а менее чем через месяц, 12 мая, постановило командировать означенное лицо в Ростов-на-Дону, где «в ближайшем будущем» должно было пройти судебное разбирательство [29, л. 35об.]. В чём состояли претензии «Окахиза» к наследникам Гавриила Алексеевича, мы пока достоверно не знаем (предположительно, их обусловил инцидент с братьями Бабаевыми), но не исключаем, что прояснить ситуацию могут помочь материалы Ростовского окружного суда, образующие самостоятельный фонд в Государственном архиве Ростовской области. Вместе с тем, учитывая, что документы этого учреждения дошли до нас в довольно значительном количестве, выявление нужного дела займёт определённое время.



*Рис. 1. Бывший дом мещанина города Екатеринодара
Г. А. Сулицкого (ст. Ярославская, ул. Ленина, 106)*

В доступных нам материалах содержится указание на малолетство наследников Г. А. Сулицкого, поэто-

му совершенно очевидно, что среди них отсутствовал его брат Михаил. В дальнейшем же мы установили, что он

умер от тифа 21 января 1912 г. и спустя два дня был погребён на приходском кладбище станицы Дондуковской (из-за неудачной прошивки метрической книги его возраст на момент смерти не прочитывается) [53, л. 210 об., 211]. Через несколько лет, 10 ноября 1914 г., его вдова Феодосия Михайловна вышла замуж в Ярославской за крестьянина Курской губернии М. К. Гоманченко [14, л. 203 об., 204]. На тот момент женщине было 53 года, был сделан вывод, что она появилась на свет около 1861 г. и, таким образом, была примерно на 5 лет младше первой жены своего деверя Ульяны Родионовны. Это стало основанием для нашего предположения, что аналогичная разница в возрасте существовала и между самими братьями Сулицкими, старшим из которых, вероятно, был Гавриил Алексеевич.

Несостоятельность предложенный выше гипотезы продемонстрировали материалы Государственного архива Астраханской области, представленные на сервисе «Яндекса» «Поиск по архивам». Они же позволили совершить настоящий прорыв в изучении происхождения Г. А. Сулицкого, открыв его первоначальную принадлежность к сословию государственных крестьян слободы Николаевской (ныне это город Николаевск в Николаевском районе Волгоградской области) Царёвского уезда Астраханской губернии. Согласно ревизской сказке означенного пункта от 30 апреля 1858 г., в нём проживало несколько семей Сулицких, одна из которых имела такой состав: 64-летняя вдова Василиса Ивановна Сулицкая, её сын Алексей Иванович

(32 года), его жена Анисья Ильинична (32 года), дети Алексея и Анисьи: Павел (14 лет), Авдотья (12 лет), Михаил (в документе «Михайло»; 8 лет) и Гавриил (в документе «Гаврило»; 4 года) [26, л. 221 об., 222]. Таким образом, на момент проведения 10-й народной переписи будущий заводчик являлся четвертым и самым младшим ребёнком своих родителей. Его брат Михаил, известный нам ранее, появился на свет приблизительно в 1850 г., а Павел и Авдотья, существование которых выяснилось благодаря ревизской сказке слободы Николаевской за 1858 г., родились соответственно около 1844 г. и примерно в 1846 г. Деду Гавриила Алексеевича, Ивану Петровичу Сулицкому, при проведении в 1850 г. 9-й ревизии было приблизительно 60 лет [Там же, л. 221 об.]. Таким образом, примерной датой его рождения является 1790 г. Установив это, а также то, что его смерть наступила в 1855 г. [Там же, л. 221 об.], мы вычислили, что Иван Петрович скончался примерно в 65 лет. Самые младшие из известных на сегодняшний день его внуков, Михаил и Гавриил, прожили меньше: первый – примерно 62 года [Там же, л. 221 об.; 53, л. 210 об.], а второй, как отмечалось выше, около 55 лет.

Наличие в свободном электронном доступе более ранних архивных источников по Николаевской слободе сделало возможным и перспективным направлением исследований дальнейшее приращение и углубление научных знаний о корнях Гавриила Алексеевича по отцовской линии (промежуточные результаты этой работы – рис. 2). Помимо этого, сохраняет

актуальность выяснение точного времени его переезда в предгорную Ку-

бань и причисления к мещанскому сословию города Екатеринодара.

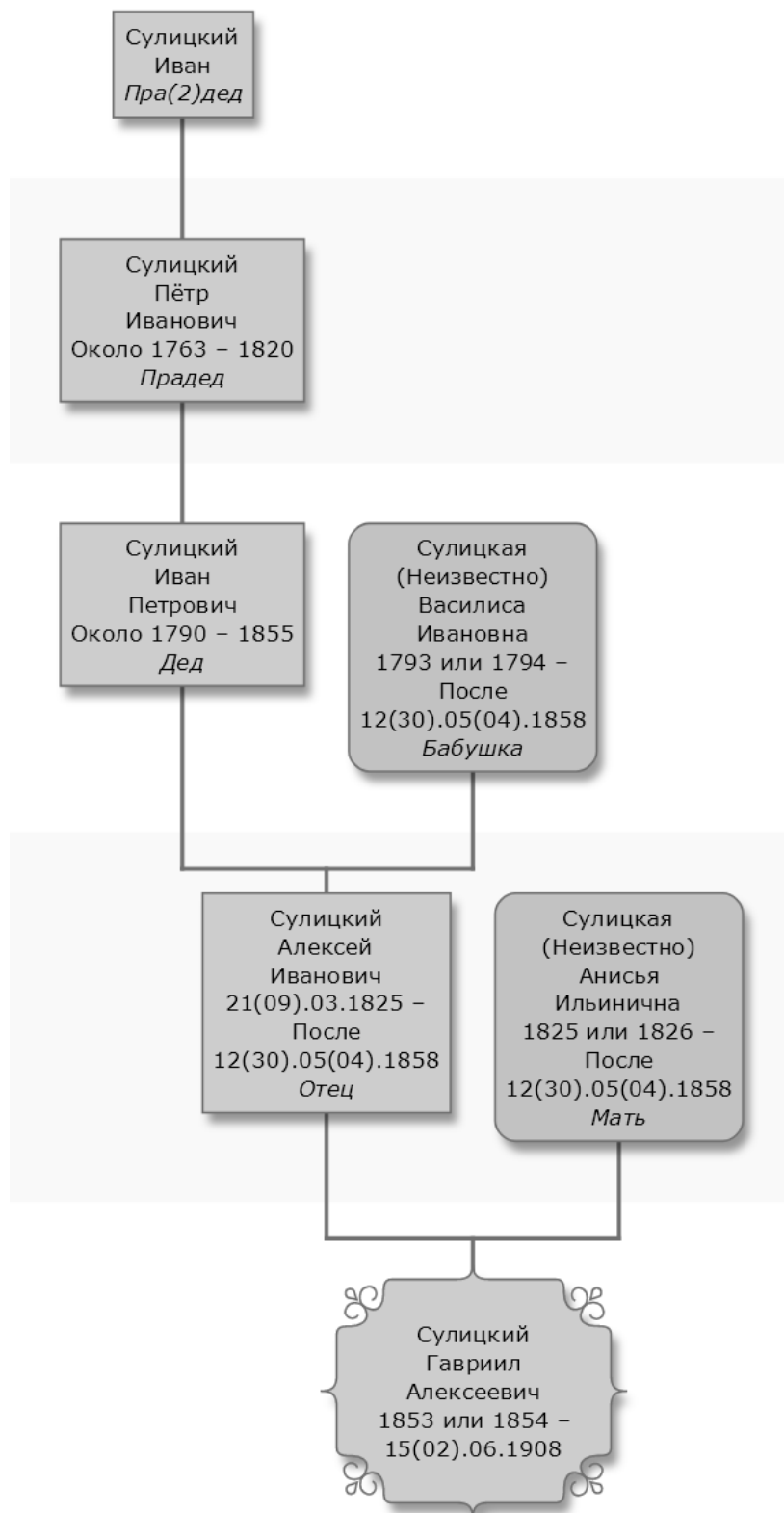


Рис. 2. Родословное древо екатеринодарского мещанина (прежде – государственного крестьянина слободы Николаевской Царёвского уезда Астраханской губернии) Г. А. Сулицкого (составлено по: [23, л. 603об., 604; 24, л. 78об., 79; 25, л. 251об., 252; 26, л. 221об., 222])

Завершая разговор о Г. А. Сулицком, необходимо отметить, что до наших дней сохранился его дом, в котором на протяжении уже многих лет располагается администрация Ярославского сельского поселения (ул. Ленина, № 106). Данное строение не выдерживает сравнений с находящимся неподалёку бывшим домом купца А. А. Кучина (см.: [36, с. 15]), поскольку обладает менее внушительными габаритами. Это может быть связано как с тем, что Гавриил Алексеевич более ценил практичность, чем вычурную внешнюю атрибуцию, так и с тем, что недвижимость в станице на Фарсе служила для него не столько жилищем, сколько одной из резиденций, ввиду чего он не стремился быть слишком расточительным при её строительстве.

Вместе с тем бывший дом Г. А. Сулицкого, подобно большинству других зданий, находящихся в центральной части Ярославской, тесно связан с богатым революционным прошлым указанного пункта. На центральном фасаде строения можно увидеть памятную табличку, сообщающую о том, что в нём с 13 марта по 8 сентября 1918 года размещался штаб военно-революционного комитета. Именно эти страницы истории бывшего жилища Гавриила Алексеевича обусловили то, что ещё в советский период оно было признано памятником истории и культуры, этот статус сохраняется до настоящего времени.

Теперь о Рихарде Карловиче Юсте (ок. 1851 – 1903). В метрических книгах Сергиевской церкви станицы

Ярославской он в основном фигурирует как мещанин города Майкопа. Однако исходя из примерной даты рождения понятно, что появиться на свет там данный промышленник не мог (Майкопское укрепление преобразовали в одноимённый город лишь в конце 1869 г., т. е. тогда, когда Юсту было приблизительно 18 лет). Желая выяснить, где же всё-таки родился будущий заводчик, мы провели большую работу с источниками и обнаружили, что в записи от 6 ноября, которая содержится в метрической книге Сергиевской церкви станицы Ярославской за 1888 г., его брат Александр Карлович (ок. 1857 – 1922) упоминается как прусско-подданный [5, л. 58об.]. В связи с этим открытием напрашивается логичный вывод, что подданство Прусского королевства имел и Рихард. Вместе с тем это вовсе не означало, что родиной братьев Юстов совершенно точно была территория, впоследствии составившая ядро Германской империи. Рихард и Александр Карловичи могли именоваться «прусско-подданными» чисто формально, из-за необходимости соблюдать требования тогдашнего делопроизводства, а в действительности являться уроженцами России, никогда не бывавшими на земле своих предков.

Материалы Покровской церкви города Майкопа демонстрируют, что к концу 1870-х гг. отец Рихарда, прусско-подданный Карл Юст, был уже мёртв. Его вдова Екатерина (урождённая Шлёт), в свою очередь, ушла из жизни 29 октября 1877 г. в возрасте

66 лет (никаких подтверждений тому, что она являлась матерью Рихарда и Александра, пока не найдено) [51, л. 438об., 439].

Будучи по происхождению немцем, Р. К. Юст почти до конца своих дней исповедовал лютеранство. При этом с 3 октября 1886 г. он был женат вторым браком на православной женщине, коей являлась унтер-офицерская дочь Александра Фёдоровна Димитриева. Их венчание прошло в Покровской церкви города Майкопа. Поручителями со стороны Рихарда Карловича были делопроизводитель 4-го округа акцизных сборов Щербаков и надворный советник А. Николаев, а со стороны его 16-летней избранницы – надзиратель 4-го округа Я. Островский и унтер-офицер 76-го Кубанского пехотного полка Ф. М. Орденко [52, л. 267об., 268]. В связи с регулярными пополнениями в семействе Юстов можно предположить, что супруги были сильно привязаны друг к другу. Так, в 1887 г. Александра Фёдоровна родила мужу сына Иоанна, в 1893 г. – дочь Анну, в 1895 г. – дочь Евгению, в 1897 г. – сына Николая, в 1898 г. – сына Михаила, в 1900 г. – дочь Ольгу, в 1901 г. – сына Александра, в 1903 г. – ещё одного сына Михаила. Вместе с тем второй брак Рихарда Карловича не был абсолютно счастливым, хотя бы потому, что половина из детей, рождённых в нём, умерли, не дожив до 5 лет [7, л. 13об.; 8, л. 11об.; 9, л. 25об.; 10, л. 49об.; 11, л. 191об., 192, 199об., 200; 12, л. 19об., 134об., 135]. Что же касается наследников Юста, которые из-

бежали раннего ухода, то наши знания о них пока ограничиваются тем, что дочь коммерсанта Евгения Рихардовна в 1914 г. окончила 8-й класс Майкопской женской гимназии [65].

Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, сообщают, что Рихард Карлович активно занимался благотворительностью. Так, например, в 1896 г. им было пожертвовано Ярославскому одноклассному мужскому училищу 30 руб. на выпуск из Санкт-Петербурга портретов царствующих императора и императрицы. За это станичный учитель А. Н. Дубков выразил Юсту искреннюю благодарность на страницах «Кубанских областных ведомостей» [32, с. 69; 38]. Этим подвижничество Р. К. Юста не ограничивалось. Как уже можно было понять из очерка о Г. А. Сулицком, Рихард Карлович внёс большой вклад в открытие в станице Ярославской школы для иногородних. Он не только участвовал в покупке для учебного заведения усадебного места, но и с 1902 г. и до конца своих дней входил в число его почётных блюстителей [45, л. 15; 46, л. 6].

Одной из последних радостей в жизни Рихарда Карловича стало появление у него 22 февраля 1903 г. сына Михаила. Между тем эта радость носила кратковременный характер, потому что спустя всего 2,5 месяца после рождения мальчик скончался от рахита [12, л. 19об., 134об., 135]. В следующий раз смерть пришла в дом промышленника 13 ноября 1903 г. и на этот раз забрала его самого. Это событие совпало с посещением иногород-

родней школы попечителем Кавказского учебного округа, который, побывав на втором уроке, дал А. Т. Левицкому важные методические рекомендации [45, л. 29 – 29об.]. Примечательно, что за несколько дней до кончины Р. К. Юст, страдавший от рака пищевода, перешёл в православие. Не исключено, что не последнюю роль в принятии им такого решения сыграла любящая супруга, испугавшаяся, что из-за различного вероисповедания им будет не суждено встретиться на том свете.

Так или иначе, 10 ноября 1903 г. майкопский мещанин Р. К. Юст был присоединён к православию и наречён Алексеем. Таинство крещения прошло в Сергиевской церкви станицы Ярославской; его совершили священник Д. Г. Мишунин и псаломщик С. С. Третьяков. Восприемником заводчика выступил его брат Александр. Согласно метрической записи, новое имя было дано Юсту в честь Алексея, человека Божьего, день памяти которого ежегодно отмечается в Русской православной церкви 17 (30) марта [12, л. 68об., 69]. Выбор небесного покровителя для Рихарда Карловича явно осуществлялся с помощью русского месяцеслова. При этом лица, которым предстояло провести крестильный обряд, по всей видимости, ориентировались на точную дату рождения Юста – 17 марта 1851 г. (день памяти преподобного Алексея).

На третьи сутки после перехода в православие пятидесятидвухлетний

Алексей (Рихард) Карлович Юст скончался, не дожив менее месяца до освящения вновь построенного здания иногороднего училища [12, л. 158об., 159; 45, л. 12]. Спустя несколько дней, 15 ноября 1903 г., его тело было предано земле на приходском кладбище станицы Ярославской [12, л. 159]. Тогда же А. Т. Левицким были направлены инспектору народных училищ IV района Кубанской области два рапорта. В первом Антон Тимофеевич сообщил о смерти почётного блюстителя вверенной ему школы, а во втором – о пожертвовании его вдовой сладостей для учащихся [45, л. 16, 30]. Впоследствии в выпуске «Ставропольских епархиальных ведомостей» от 16 февраля 1904 г. была помещена информация о крещении Юста по православному обряду [1].

Доступные материалы не позволили прояснить судьбу маслобойни Рихарда Карловича, которая открылась в 1895 г. и насчитывала по состоянию на 1903 г. 14 рабочих [56, с. 220; 66, с. 554]. Возможно, после смерти Юста его наследники приняли решение либо продать предприятие, либо сдать в аренду.

Разумеется, представленные выше очерки не содержат исчерпывающей информации о людях, чьи судьбы составили предмет нашего исследования. В биографии каждого предпринимателя остаётся ещё много «белых пятен», устранение которых требует привлечения новых документов.

Литература

1. V. Известия. Присоединены к православию // Ставропольские епархиальные ведомости. 1904. 16 февр.
2. Андреев А. О. Из истории поташного производства в Кубанской и Кубано-Черноморской областях в 1880 – 1925 гг. // Научное наследие Ф. И. Щербины: казачество и история Кавказа : сб. материалов XX Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2020. С. 91 – 103.
3. Архивный отдел администрации муниципального образования Мостовский район (АОАМР). Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 19.
4. Там же. Д. 97.
5. Там же. Д. 98.
6. Там же. Д. 99.
7. Там же. Д. 100.
8. Там же. Д. 101.
9. Там же. Д. 102.
10. Там же. Д. 103.
11. Там же. Д. 105.
12. Там же. Д. 106.
13. Там же. Д. 108.
14. Там же. Д. 138.
15. Багаева Е. М. Торгово-промышленная деятельность на Кубани в эпоху рыночных преобразований в России (1861 – 1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Краснодар, 2005. 293 с.
16. Бондарь В. В. Купечество // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 года. Краснодар : Эдви, 1997. С. 238.
17. Бочаров И. С былых времён... // Путь к коммунизму [Орган Ярославского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся]. 1961. 26 сент.
18. «Вся Россия». Русская адресная и справочная книга фабрик, заводов, торгово-промышленности и администрации на 1912 год. М. : Типография В. Карякина, 1912.
19. «Вся Россия». Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный календарь Российской империи. Т. 1. СПб. : Типография А. С. Суворина, 1895.
20. «Вся Россия». Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: адрес-календарь Российской империи. Т. 1. СПб. : Типография А. С. Суворина, 1900.

21. «Вся Россия». Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. СПб. : Типография А. С. Суворина, 1902.
22. Высочайшие награды // Кубанские областные ведомости. 1907. 25 сент.
23. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 457. Оп. 1. Д. 58.
24. Там же. Оп. 1а. Д. 26. Св. 17.
25. Там ж. Оп. 2. Д. 1780.
26. Там же. Оп. 2. Д. 2105.
27. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 699. Оп. 1. Д. 2.
28. Там же. Оп. 1. Д. 5.
29. Там же. Оп. 1. Д. 7.
30. Там же. Оп. 1. Д. 8.
31. Там же. Ф. 801. Оп. 6. Д. 17.
32. Дирекция народных училищ // Кубанский календарь на 1898 год. Ека-теринадар : Тип. Кубан. обл. правления, 1898. Паг. 2. С. 58 – 80.
33. Езиоранский Л. К. Фабрично-заводские предприятия Российской импе-рии. СПб. : В. Безобразов и К^о, 1909.
34. Известия. Некролог // Кавказские епархиальные ведомости (КЕВ). 1883. 16 марта.
35. Казённые объявления. О вызове наследников к получению наследства // Кубанские областные ведомости (КОВ). 1908. 9 июля.
36. Коваленко Н. С. Личностный подход в регионоведческих исследовани-ях: майкопский купец 2-й гильдии Алексей Анисимович Кучин // Вестник Вла-димирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Социальные и гуманитарные науки. № 3 (43). Владимир, 2024. С. 5 – 25.
37. Копия с циркулярного предписания начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска от 8 февр. 1907 г. № 7065 ата-манам отделов, станичным и хуторским атаманам Кубанской области // Кубан-ские областные ведомости. 1907. 31 марта.
38. Корреспонденции. Ст. Ярославская // Там же. 1896. 11 мая.
39. Корреспонденции. Ст. Ярославская // Там же. 1903. 1 апр.
40. Ктиторов С. Н. История Армавира (досоветский период: 1839 – 1918). Армавир : Скорина, 2002. 384 с.
41. Летопись областной жизни // Кубанские областные ведомости. 1903. 5 февр.
42. Летопись областной жизни // Там же. 1905. 24 авг.

43. Масличные растения, маслобойная и поташная промышленность в Кубанском крае. Ч. 1. Екатеринодар : Энергия, 1920. 276 с.
44. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Екатеринодар : Тип. Кубан.обл. правления, 1906. 589 с.
45. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 22.
46. Там же. Д. 24.
47. Там же. Д. 54.
48. Там же. Д. 132.
49. Там же. Ф. 77. Оп. 1-л. Д. 2.
50. Там же. Д. 5.
51. Там же. Д. 6.
52. Там же. Д. 13.
53. Там же. Оп. 2. Д. 85.
54. Общий список присяжных заседателей по Майкопскому отделу Кубанской области на текущий 1906 год // КОВ. 1906. 27 авг.
55. Описание станиц I полицейского участка Майкопского уезда // Памятная книжка Кубанской области на 1875 год. Екатеринодар : Тип. Кубан. обл. правления, 1875. С. 99 – 207.
56. Отдел V. Адресный список фабрично-ремесленных, горнозаводских и др. промышленных предприятий, по сведениям за 1903 год, дополненный по материалам за 1904 – 1905 гг. (по губерниям и производствам) // Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России. Изд. второе (1907/8 г.), испр. и значительно доп.. СПб. : Тип. К. А. Четверикова, [б. г.] Паг. 5. С. 1 – 699.
57. Пожертвования по случаю войны с Японией // Кубанские областные ведомости. 1904. 3 июня.
58. Пожертвования по случаю войны с Японией // Там же. 1905. 7 июля.
59. Распоряжения епархиального начальства. Определения на должности // Кавказские епархиальные ведомости. 1881. 1 марта.
60. Распоряжения епархиального начальства. Определения на должности // Там же. 1883. 16 март.
61. Распоряжения епархиального начальства. Определены на должности // Там же. 1876. 16 апр.
62. Российский государственный исторический архив. Ф. 23. Оп. 12. Д. 360.
63. Руденко С. О восстановлении винокуренной промышленности в Ставропольском округе // Местная промышленность и торговля (орган ВСНХ РСФСР). № 11 – 12. М., 1926. С. 121 – 124.

64. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1910. Отдел второй. Первое полугодие. СПб. : Сенатская типография, 1910. 2844 с.

65. Список учениц Майкопской женской гимназии Кубанской области, окончивших VII и VIII классы в 1914 году // Майкопская газета. 1914. 13 июня.

66. Список фабрик и заводов Европейской России. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. 838 с.

67. Торгово-промышленные предприятия Кубанской области // Вся Донская область и Северный Кавказ на 1903 г. Книга администрации, промышленности и торговли. Ростов н/Д. : А. И. Тер-Абрамиан, 1903. Паг. 3. Стб. 175 – 262.

68. Фомин Н. За землю, за волю... // Путь к коммунизму [Орган Ярославского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся]. 1961. 16 сент.

69. Харченко Н. И. От родового строя до наших дней. Ч. III (к 100-летию ст. Ярославской) // Там же. 1961. 31 авг.

N. S. Kovalenko

**OWNERS OF FACTORIES IN YAROSLAVSKAYA VILLAGE
IN THE EARLY 20th CENTURY
(GLIMPSES INTO BIOGRAPHIES)**

Based on a personal approach, as well as archival and published sources, the article recreates the biographies of G. F. Demin, G. A. Sulitsky and R. K. Yust, who owned oil mills and other enterprises in the village of Yaroslavskaya in the Maikop department of the Kuban region at the beginning of the 20th century. The author seeks to determine approximate dates of birth, origin and social class of these people, describe their private lives, and outline the social contexts, analyze commercial, industrial and charity activities, as well as establish dates and circumstances of death. Most data are first published, which reflects the novelty of the paper and its usefulness for anyone interested in the economic and socio-cultural aspects of the Russian development of the foothill Kuban in the second half of the XIX – early XX century.

Keywords: Georgy Fedorovich Demin, nonresidents, merchants, oil production, Maikop department, predgornaya Kuban, Gavriil Alekseevich Sulitsky, economics, Richard Karlovich Yust, Yaroslavskaya village.

РАЗВИТИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

В статье рассматривается развитие пенитенциарной системы Российской империи на протяжении XIX столетия. Анализируются нормативно-правовые акты, исторические документы, деятельность Общества попечительного о тюрьмах, реформы Александра II. Особое внимание уделяется эволюции видов наказаний. Представлены таблицы с видами наказаний и статистикой трудовой занятости заключенных. Анализируются предпосылки трансформации карательной политики государства, а также влияние социально-экономических и идеологических факторов на развитие института наказания. Статья позволяет выявить основные тенденции развития тюремной системы, роль социальных и политических реформ, а также предпосылки к созданию Главного тюремного управления. Сделан вывод о постепенном переходе от карательно-репрессивной модели к элементам исправительной и гуманистической системы наказаний.

Ключевые слова: Российская империя, наказание, пенитенциарная система, ссылка, тюрьма, исправление осужденных, уголовная политика, XIX век.

В настоящее время российское общество находится в состоянии реформирования и модернизации уголовно-исполнительной системы. Совершенствование данной сферы связано с реализацией целей, закрепленных в «Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года», среди которых особое значение имеют гуманизация условий содержания осужденных, их исправление, ресоциализация и обеспечение прав лиц, отбывающих наказание [6]. В этой связи возрастает интерес к историческому опыту развития пенитенциарной системы России, в том числе к периоду середины XIX века, когда происходили важные изменения в понимании сущности наказания. Период реформ Алек-

сандра II характеризовался попытками устранения системных проблем тюремного хозяйства, что напрямую влияло на эффективность исполнения наказаний, условия содержания заключенных и формирование нормативной базы. Изучение исторических аспектов позволяет избежать повторения прежних ошибок и способствует более эффективному реформированию современной уголовно-исполнительной политики.

Историография проблемы условно делится на три периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Дореволюционный этап представлен трудами И. Я. Фойницкого, Н. С. Таганцева, С. В. Познышева, В. Н. Никитина и других ученых. Значительный вклад внес И. Я. Фойниц-

кий, который в работе «Учение о наказании в связи с тюрьмоведением» рассматривал наказание как средство обеспечения общественной безопасности, устрашения и исправления [22]. Он критиковал ссылку как неэффективную меру, подчеркивая ее негативное влияние как на самих ссыльных, так и на регионы их размещения.

Советский период характеризуется более системным изучением проблемы. Важное значение имеют работы М. Н. Гернета, который подробно исследовал историю царской тюрьмы [2], а также труды М. М. Исаева, посвященные пенитенциарной политике [5]. Исследователи данного периода, как правило, акцентировали внимание на репрессивном характере дореволюционной системы.

В постсоветский период наблюдается рост интереса к теме. Работы А. П. Печникова [14], Ю. А. Реента [15], А. В. Ляпанова [7 – 10] и других авторов направлены на комплексное изучение пенитенциарной системы с учетом новых архивных данных. Современные исследования, с одной стороны, подчеркивают противоречивость развития системы наказаний, с другой – отмечают наличие предпосылок гуманизации уже в XIX веке.

Начало XIX века ознаменовалось попытками реформирования государственной системы, включая сферу исполнения наказаний. С вступлением на престол Александра I были предприняты первые шаги по гуманизации уголовной политики. Так, Манифест от 2 апреля 1801 г. предусматри-

вал смягчение наказаний, включая замену смертной казни ссылкой [11].

Ссылка занимала особое место в системе наказания. Она использовалась не только как средство изоляции преступников, но и как инструмент колонизации отдаленных территорий. Однако, как отмечал И. Я. Фойницкий, ссылка не достигала целей исправления осужденных и зачастую приводила к ухудшению социально-нравственной обстановки в местах поселения [22, с. 261].

Важным этапом стало издание указа от 27 сентября 1801 г. «Об уничтожении пыток», который запрещал применение истязаний при расследовании преступлений [18]. Данный акт имел принципиальное значение для развития правовой системы, закрепляя отказ от средневековых методов следствия.

В 1802 г. в результате министерской реформы было создано Министерство внутренних дел, в компетенцию которого входило управление тюрьмами [12]. 12 июля 1810 г. вышел подготовленный М. М. Сперанским манифест «О разделении государственных дел на особые управления», что способствовало централизации управления пенитенциарной системой.

Существенным шагом стало создание в 1819 г. Общества попечительного о тюрьмах, основной задачей которого было нравственное исправление заключенных. Общество осуществляло контроль за условиями содержания, организацией труда и духовным воспитанием арестантов [20].

Если говорить о системе наказаний в Российской империи, то к началу XIX века она представляла собой сложный и во многом несистематизированный комплекс мер государственного принуждения. Существенное влияние на нее оказывало Соборное уложение 1649 года, в котором отсутствовала четкая классификация правонарушений и наказаний. Наказания включали широкий спектр мер: смертную казнь, телесные наказания, ссылку, лишение свободы, штрафы и конфискации.

В XIX в. наблюдается тенденция к постепенному ограничению телесных наказаний. Так, в 1812 г. было установлено ограничение числа ударов кнутом, а в 1817 г. отменено вырывание ноздрей [3].

При этом сословный принцип оставался характерной особенностью системы наказаний: виды и меры наказаний зависели от социального статуса лица.

Важным моментом стало проведение кодификации законодательства под руководством М. М. Сперанского. Был создан Свод законов Российской империи 1832 г., в котором впервые системно закреплялись виды наказаний.

Согласно данному документу, существовали следующие основные виды наказаний: смертная казнь, политическая смерть, лишение прав состояния, телесные наказания, ссылка, принудительные работы, тюремное заключение, денежные взыскания; церковные наказания.

При этом телесные наказания сохраняли широкое распространение, особенно в отношении низших сословий.

В первой половине XIX века формируется нормативная база пенитенциарной системы: Устав о ссыльных 1822 г., Положение об арестантских ротах 1826 г., Инструкция смотрителю тюремного замка 1831 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Уложение 1845 г. стало первым систематизированным уголовным кодексом, закрепившим виды наказаний, включая лишение свободы, ссылку и телесные наказания [19].

Впервые была предпринята попытка четко разграничить преступления и проступки. Наказания подразделялись: на уголовные (смертная казнь, каторга, ссылка), исправительные (арест, штраф, телесные наказания, заключение).

Важным нововведением стало деление наказаний по степени тяжести, что ограничивало произвол судебных органов.

Анализ статистических данных по Владимирской губернии позволяет выявить особенности применения наказаний на практике.

Среди наиболее распространенных правонарушений выделялись: личные обиды, имущественные споры, нарушения общественного порядка, пьянство и драки. Основными видами наказаний были телесные наказания (наиболее распространенные), арест, денежные штрафы, общественные работы.

Статистика показывает, что телесные наказания применялись значительно чаще других мер, что свидетельствует о сохранении архаичных элементов системы.

Уголовные преступления (убийства, подделка денег и др.) составляли относительно небольшую долю правонарушений. Например, в 1840 г. один преступник приходился примерно на 2000 человек.

Основными уголовными наказаниями являлись каторжные работы, ссылка на поселение, лишение всех прав состояния.

Тюремное заключение применялось реже из-за нехватки мест содержания [9].

Особое место в системе наказаний занимала отдача в рекруты. Данная мера использовалась как альтернатива другим видам наказания и позволяла государству решать одновременно карательные и военные задачи.

Согласно законодательству преступники могли направляться на военную службу вместо ссылки. Однако на практике доля таких случаев была невелика – менее 1 % от общего числа рекрутов. Данная мера носила вынужденный характер и применялась преимущественно в условиях военной необходимости [10].

Анализ законодательства и практики позволяет выделить следующие тенденции.

1. Сохранение сословного характера права – различия в наказаниях в зависимости от социального положения.

2. Систематизация законодательства – создание более четкой структуры наказаний.

3. Дифференциация ответственности – разделение преступлений и проступков.

4. Постепенное смягчение наказаний – сокращение применения смертной казни и телесных наказаний.

5. Рост роли лишения свободы – несмотря на ограниченные возможности его применения.

Несмотря на законодательные преобразования, на практике пенитенциарная система характеризовалась слабой организацией, недостаточным финансированием и низким уровнем материально-бытового обеспечения. Но и при наличии серьезных недостатков реформы данного периода заложили основу для дальнейших преобразований второй половины XIX в., включая и судебную реформу 1864 г.

Середина XIX в. стала важным этапом в развитии системы наказаний Российской империи. Период характеризуется масштабными реформами, связанными с правлением Александра II. Поражение в Крымской войне и социально-экономический кризис обусловили необходимость модернизации государства [17].

Пенитенциарная система в этот период находилась в тяжелом состоянии: недостаток тюремных учреждений, переполненность, антисанитария, кадровый дефицит, отсутствие единой системы управления.

В 1857 г. был переиздан Свод законов Российской империи, включавший нормы о содержании под стражей и ссыльных [16].

Важное значение имел указ от 17 апреля 1863 г., отменивший телесные наказания и способствовавший росту числа заключенных [4].

Реформы 1860-х гг. включали введение новых мест заключения (арестные избы), создание исправительных приютов для несовершеннолетних (1866 г.), развитие системы надзора и учета заключенных [13; 14].

Сравним виды наказаний до и после реформ 1860-х гг. (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика видов наказания
до и после реформ 1860-х гг.

Вид наказаний	Характеристика до реформ	Характеристика после реформ
Телесные наказания	Розги, палочные наказания	Отменены (1863 г.)
Заключение	Тюремное, смирительные дома	Разделение по полу, возрасту, сословию; новые арестные избы
Трудовое наказание	Принудительный труд без оплаты	Организация ремесленных мастерских, зарплата 14 коп./день
Исправительные учреждения для несовершеннолетних	Отсутствовали	Ремесленные приюты, земледельческие колонии

Арестанты привлекались к производственным работам 6 дней в неделю. Работы включали пиление до-

сок, изготовление красок, корзин, ремонт одежды, стирку белья, сапожное ремесло (табл. 2) [1].

Таблица 2

Привлечение арестантов к труду

Вид деятельности арестантов	Место исполнения	Вознаграждение
Пиление досок, рубка дров	Тюремный замок	14 коп./день
Ремесленные работы	Мастерские	14 коп./день
Выпечка хлеба, стирка	Тюремный замок	14 коп./день

Значительную роль в улучшении условий содержания продолжало играть Общество попечительное о тюрь-

мах, которое обеспечивало продовольствие, одежду, организовывало обучение и труд арестантов (табл. 3) [21].

Функционал Общества попечительного о тюрьмах

Функция	Описание
Внутреннее устройство мест заключения	Организация камер, санитария, режим содержания
Продовольственное обеспечение	Обеспечение достаточного рациона, увеличение порций по циркулярам
Воспитательная деятельность	Открытие школ, ремесленных мастерских, духовное воспитание
Материально-бытовое обеспечение	Обеспечение одеждой, бельем, обувью, поддержка зданий

Ключевым этапом стала тюремная реформа 1879 г., в результате которой было создано Главное тюремное управление (ГТУ). Это обеспечило централизацию управления и стало основой для дальнейшего развития пенитенциарной системы [14].

К сожалению, условия содержания в тюрьмах оставались крайне тяжелыми. Перенаселенность, антисанитария, недостаток питания и медицинской помощи способствовали распространению заболеваний и высокой смертности среди заключенных. Кроме того, отмечались коррупция и жестокость со стороны тюремного персонала.

Реформы осуществлялись крайне медленно и сталкивались с рядом проблем: недостаточным финансированием, отсутствием единой системы управления, слабой нормативно-правовой базой. В результате пенитенциарная система оставалась фрагментарной и малоэффективной.

Таким образом, система наказания в Российской империи в середине XIX в. характеризуется переходным

характером. С одной стороны, сохранялись традиционные карательно-репрессивные меры, такие как ссылка и телесные наказания. С другой – начали формироваться элементы гуманистического подхода, ориентированного на исправление осужденных.

Реформы Александра II, деятельность Общества попечительного о тюрьмах, внедрение новых видов наказаний и трудовой деятельности способствовали гуманизации уголовно-исполнительной системы. Создание ГТУ заложило основу для дальнейшей централизации и стандартизации тюремной системы, а опыт социальной и трудовой реабилитации осужденных повлиял на современные подходы к ресоциализации.

Несмотря на наличие серьезных проблем, именно в этот период были заложены основы дальнейшего развития пенитенциарной системы России. Исторический опыт показывает, что эффективность уголовной политики во многом зависит от баланса между карательными и исправительными функциями наказания.

Литература

1. Белова Н. А. Виды арестантского труда в тюремных учреждениях России в XIX – начале XX века // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 2. С. 28 – 39.
2. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 2. М. : Госюриздат, 1961. 303 с.
3. Давыдкина Ю. В. Телесные наказания в уголовном праве России XIX века // Актуальные проблемы права, экономики и управления : сб. материалов студен. науч. конф., посвящ. памяти заслуженного деятеля науки Рос. Федерации, учёного-правоведа, д-ра юрид. наук, проф. М. Н. Марченко., Москва, 24 марта 2022 г. Саратов : Саратовский источник, 2022. С. 124 – 128.
4. Именной указ о некоторых изменениях в существующей системе наказаний уголовных и исправительных // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е. СПб., 1863. Т. 38. № 39505.
5. Исаев М. М. Основы пенитенциарной науки. М., 1927. 344 с.
6. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.03.2026).
7. Ляпанов А. В., Ибрагимова Э. Ф. Развитие пенитенциарной системы Российской империи 1801 – 1845 гг. (на материалах Владимирской губернии) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 3. С. 18 – 29.
8. Ляпанов А. В., Ибрагимова Э. Ф. К вопросу о реформировании пенитенциарной системы России во второй половине XIX века (на примере Владимирской губернии) // Аграрное и земельное право. 2024. № 10 (238). С. 36 – 38.
9. Ляпанов А. В., Ибрагимова Э. Ф., Гаврилов Д. Б. К вопросу о системе наказаний в Российской империи (Сер. XIX в.) // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 82 – 85.
10. Ляпанов А. В., Чичерина Г. М. Отдача в рекруты как вид уголовного наказания в Российской империи // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 20 – 22.
11. Манифест «Об облегчении участи преступников» от 2 апр. 1801 г. URL: <https://base.garant.ru/58101032/> (дата обращения: 22.03.2026)
12. Манифест «Об учреждении министерств» от 1802 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 27. № 20 406.
13. Памятники русского права : учеб.-науч. пособие : в 35 т. / О. В. Бобровский [и др.] ; под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М. : Юрлитинформ, 2013 – 2017. Т. 15. Реформа тюремной системы второй половины XIX века / Н. И. Биюшкина, С. В. Жильцов, Н. И. Петренко [и др.]. М., 2015. 269 с.
14. Печников А. П. Тюремные учреждения Российского государства (1649 – 1917 гг.): историческая хроника. М. : Щит-М, 2004. 324 с.
15. Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России. М., 2024. 428 с.

16. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный : изд. 1857 г.. СПб. : Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1857 – 1876.
17. Титов А. А. Реформы Александра Второго и их судьба (В общедоступ. излож.). Ист. комис. Учеб. отд. О. Р. Т. З. М. : тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910. 200 с.
18. Указ «Об уничтожении пыток» от 27 сент. 1801 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 26. № 20 022.
19. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. : тип. Второго отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845. III, 592, XIV, 37 с.
20. Устав Общества попечительного о тюрьмах, 1819 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 36. № 27 895.
21. Устав Общества попечительного о тюрьмах : [утв. 7 нояб. 1851 г.: с прил. СПб.], 1869. 37 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003542352/
22. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. 504 с.

A. V. Lyapanov

DEVELOPMENT OF THE PENITENTIARY SYSTEM IN RUSSIA IN THE 19th CENTURY

The article examines the development of the penitentiary system of the Russian Empire during the 19th century. It analyzes legal acts, historical documents, the activities of the Society for the Care of Prisons, and the reforms of Alexander II. Special attention is paid to the evolution of types of punishment. Tables are presented with the types of punishment and statistics on the employment of prisoners. The article analyzes the prerequisites for the transformation of the state's punitive policy, as well as the influence of socio-economic and ideological factors on the development of the institution of punishment. The work allows us to identify the main trends in the development of the prison system, the role of social and political reforms, and the prerequisites for the creation of the Main Prison Administration. The conclusion is made about the gradual transition from a punitive and repressive model to elements of a correctional and humanistic system of punishment.

Keywords: Russian Empire, punishment, penitentiary system, exile, prison, correction of convicts, criminal policy, 19th century.

РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ НАЧАЛА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена краткому анализу предпосылок возникновения советско-западной конфронтации в 1940-е годы. На конкретных примерах рассмотрены первопричины разногласий между союзниками по антигитлеровской коалиции в контексте острой борьбы двух мировых общественно-политических систем – социалистической и капиталистической. В статье особо подчёркнуто, что основополагающие механизмы будущей холодной войны были заложены ещё до начала Второй мировой войны, которая явилась лишь временной передышкой в борьбе англосаксонского Запада против СССР.

Ключевые слова: Вторая мировая война, холодная война, антигитлеровская коалиция, сверхдержава, коммунизм, капитализм.

Вторая мировая война привела мир к грандиозным геополитическим сдвигам. На её заключительном этапе оформились два принципиально новых центра (полюса) силы – Соединённые Штаты Америки и Советский Союз. Великобритания и Франция, формально оставаясь в обойме «великих держав», утратили по итогам войны своё доминирующее положение на международной арене; их колониальные империи, формировавшиеся веками, теперь переживали период распада. В рамках послевоенного постепенного размежевания стран на два антагонистичных лагеря – социалистический и капиталистический – прежнее согласие между союзниками по антигитлеровской коалиции стало уступать место соперничеству и даже вражде между ними. После уничтожения общего врага в лице гитлеровской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии теперь уже

бывшие союзные державы вступили в новую борьбу друг против друга за очередной передел мира.

Отправной точкой противостояния сверхдержав принято считать 1945 г. Фактически холодная война стартовала ещё на заключительном этапе Второй мировой войны, как только в сознании в первую очередь британского правительства и конкретно его главы – У. Черчилля начали рождаться абсолютно сумасшедшие идеи наподобие плана «Немыслимое» и вооружения пленённых союзниками немецких дивизий с целью открытия совместного с ними англо-американо-германского фронта против СССР. Чаяния своего коллеги активно поддержал и американский президент Г. Трумэн, сменивший к тому моменту на этом посту Ф. Рузвельта. Таким образом, мы можем смело утверждать, что у истоков холодной войны стоял в том числе личностный фактор:

Черчилль, Трумэн и другие «ястребы» в Лондоне и Вашингтоне, будучи «закоренелыми капиталистами», панически боялись распространения «красной заразы» по всей континентальной Европе, а также в США, где на фоне великих побед Советской армии резко возросла популярность левых политических идей. Этот страх был подобен тому ужасу, который веком ранее овладел европейскими монархиями, когда они всеми силами старались купировать угрозу, исходившую тогда со стороны революционной Франции периода Наполеона, а затем со стороны других буржуазных революционных сил.

Некоторые специалисты склонны вести «летопись» холодной войны аж со времён великих российских революций 1917 г., а точнее – с момента Октябрьского переворота, а то и раньше [2, с. 4]. И в этом есть весомая доля справедливости, оспаривать которую весьма сложно. Именно в октябре 1917 г. с приходом к власти в России большевистской (коммунистической) партии началось коренное размежевание между «красной Россией» и капиталистическим миром. 1920 – 1930-е гг., вплоть до начала Второй мировой – это период жёсткого противостояния между РСФСР/СССР и капиталистическими государствами Европы, многие из которых (к примеру, Англия и Франция) были чрезвычайно раздражены большевистской властью, которая препятствовала теперь вхождению западных компаний на российский рынок и вывозу ими капитала из России. Отсюда все эти

планы «крестовых походов» против Москвы, которые вынашивал ещё германский генерал Макс Гофман сразу после завершения Первой мировой войны (так скоро!). Гофман прямо заявлял: «Ни одна из европейских держав не может уступить другой преимущество влияние на будущую Россию. Таким образом, решение задачи возможно только путем объединения крупных европейских государств, особенно Франции, Англии и Германии. Эти объединенные державы должны путем совместной военной интервенции свергнуть Советскую власть и экономически восстановить Россию в интересах английских, французских и немецких экономических сил. При всем этом было бы ценно финансовое и экономическое участие Соединенных Штатов Америки. В русском экономическом районе следует обеспечить особые интересы Соединенных Штатов Америки» [1, с. 257]. Дальнейшие комментарии в целом бессмысленны.

Однако даже если мы не будем «копать» столь далеко и вновь вернёмся к событиям Второй мировой войны и периоду сразу после её окончания, то мы ясно увидим, как постепенно портились прежние союзнические отношения между СССР и его западными «коллегами» по антигитлеровской коалиции. При этом «накал страстей» между союзниками становился всё более очевидным по мере того, как Германия и её приспешники всё сильнее сдавали позиции на фронтах и неминуемо приближались к абсолютному военному краху. В 1943 г.

возникли первые серьёзные противоречия между западными державами и СССР по поводу Италии. Сталин требовал активного участия Советского Союза в процессе политического урегулирования в этой стране после её военного поражения, однако англичане и американцы наотрез отказались предоставлять такую возможность Советам. СССР также не был приглашён на Каирскую конференцию союзников (США, Великобритания, Китай) в декабре 1943 г. В ходе её Черчилль вновь не смог скрыть своих русофобских настроений и отпустил в сторону СССР несколько оскорбительных пассажей, правда, в неофициальных кулуарных беседах [6, с. 23]. Даже Геббельс в дневниках того периода отмечал, что «Черчилль – старый противник большевизма, и его сотрудничество с Москвой – всего-навсего проходящий момент» [Там же, с. 31]. Да и серьёзную затяжку открытия Второго фронта, которая длилась аж до лета 1944 г., можно считать своеобразным орудием холодной войны против СССР, очень серьёзным орудием, направленным на обескровливание потенциального будущего противника.

Взаимоотношения между союзниками обострились ещё более после того, как блок агрессивных «стран Оси» оказался, наконец, повержен и острая необходимость в тесной координации совместных действий постепенно начала отпадать. Помимо кризиса в Иране (1945 – 1946 гг.) и осложнения советско-турецких отношений ввиду территориальных претензий Москвы к Анкаре, а также

гражданских войн в Китае (1946 – 1949 гг.) и Греции (1946 – 1949 гг.), в ходе которых поддерживаемые СССР коммунисты развернули борьбу против прозападных элементов в своих странах, едва ли не самым острым вопросом, который окончательно разрушил последние остатки бывшего союзничества, стал перманентный кризис вокруг будущего устройства Германии. Фактически период, когда СССР, Англия, Франция и США пытались распутать этот «германский гордиев узел» (1945 – 1949 гг.) и стал той знаковой предпосылкой, которая породила холодную войну. Целый ряд архивных документов свидетельствует о том, что западные партнёры, главным образом Великобритания и США, практически сразу поставили задачу воспрепятствовать тем инициативам по Германии, которые выдвигались советской стороной. По мере нарастания противостояния англо-американские оккупационные власти в Германии сделали всё для того, чтобы сепарировать свои зоны оккупации от советской зоны и этим шагом закрепить окончательный раскол Германии, против чего активно выступал СССР [4, с. 444]. Кроме того, буквально сразу после завершения войны западные державы запустили программу по ремилитаризации Германии, что откровенно шло вразрез с достигнутыми в Ялте и Потсдаме союзными договорённостями [3]. Апофеозом краха антигитлеровской коалиции как мощного военного блока дружественных стран стало образование антагонистических германских государств в лице

ГДР и ФРГ (1949), а также создание нового западного военного альянса с явно агрессивным антисоветским оттенком в виде НАТО (1949).

Так, всего за какие-то четыре года в результате острых конфликтов и непримиримых противоречий, которые быстро нарастали в этот промежуток времени между СССР и англо-американским альянсом, мир

был втянут в стадию очередного глобального противостояния, вошедшего в историю под названием холодной войны. Отныне именно эта военно-политическая и идеологическая конфронтация на протяжении почти полувека будет определять зыбкое равновесие между хрупким миром и возможностью новой мировой войны.

Литература

1. Главный противник – Россия: воспоминания и дневники Максимилиана Гофмана о Первой мировой войне. М. : Принципиум, 2015. 528 с.
2. Дэвис Д. Э., Трани Ю. П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / науч. ред. А. А. Поршакова ; пер. с англ. Е. В. Нетесовой. М. : Олма-Пресс, 2002. 479 с.
3. Записка М. Г. Грибанова. Позиции союзников в Германии после Московской сессии СМВД. 12 сентября 1947 г. // Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 082. Оп. 34. П. 154. Д. 79. Л. 57 – 70.
4. О позиции советской делегации на сессии СМВД в Париже 23 мая 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0431/VI. Оп. 6. П. 2. Д. 6. Л. 11-16.
5. СССР и германский вопрос. 1941 – 1949 : Документы из российских архивов. Т. IV. 18 июня 1948 г. – 5 ноября 1949 г. М. : Международные отношения, 2012. 775 с.
6. Уткин А. И. Мировая холодная война. М. : Эксмо : Алгоритм, 2005. 732 с.

S. A. Mametyev

CONTROVERSY BETWEEN ALLIES OF THE ANTI-HITLER COALITION AS A PREREQUISITE FOR THE BEGINNING OF THE COLD WAR

This article provides a brief analysis of the background factors behind the emergence of the Soviet-Western confrontation. Using specific examples, it examines the root causes of the disagreements between the allies of the Anti-Hitler Coalition in the context of the intense struggle between two global socio-political systems – socialism and capitalism. The article emphasizes that the fundamental grounds of the future Cold War were laid even before the outbreak of World War II, which was merely a temporary respite in the Anglo-Saxon West's struggle against the USSR.

Keywords: World War II, Cold War, Anti-Hitler Coalition, superpower, communism, capitalism.

К ИСТОКАМ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

Статья посвящена истории возникновения синхронного перевода как самостоятельного вида устного перевода. На примере Нюрнбергского процесса (1945 – 1946) рассматриваются организационные, технические и лингвистические аспекты внедрения синхронного перевода. Анализируются критерии отбора переводчиков, система ротации смен, техническое оснащение («аквариум»), а также языковые трудности, связанные с особенностями немецкого языка. Сделан вывод о значении нюрнбергского опыта для развития современного конференц-перевода.

Ключевые слова: синхронный перевод, Нюрнбергский процесс, история перевода, конференц-перевод, устный перевод.

Перевод – одно из древнейших занятий человека. Еще Цицерон, переводивший труды Платона и Демосфена, Гораций в трактате «Наука поэзии» использовали слово *interpres* в значении «переводчик», «толкователь». То же наименование употребляет переводчик Библии Святой Иероним (IV в. н. э.). И в Средние века этим ремеслом овладели монахи-переводчики, которых называли *interpres* или *hermeneuma*.

В истории России переводчики упоминаются в указах Петра I, где акцентировалось внимание на значимости переводчиков и необходимости их тщательной подготовки. В XIX столетии на международных встречах перевод в современном смысле почти не требовался: французский оставался общим языком высших слоев общества, аристократы и дипломаты владели им в совершенстве. В XX веке возросла потребность в многоязычном

обеспечении крупных международных мероприятий, что дало значительный стимул развитию переводческой отрасли.

Наиболее значительным историческим событием, которое потребовало участия десятков переводчиков разных языковых пар и поставило вопрос об одновременном обеспечении перевода на несколько языков, стал Нюрнбергский процесс. Согласно Уставу Международного Военного Трибунала, подсудимым гарантировались широкие права на защиту, в том числе личную и через адвокатов. Статья 16 Устава прямо указывала, что обвинительные материалы и весь процесс должны вестись на языке, доступном подсудимому [7, с. 18]. Перед организаторами встала задача наладить эффективный устный перевод для полного взаимопонимания. Её возложили на Леона Достера – личного переводчика Эйзенхауэра и

руководителя переводческого отдела МВТ. Последовательный перевод (с паузой после каждой реплики оратора) растянул бы суд на годы или сделал бы приговор невозможным, поэтому Достер отверг этот вариант и ввёл синхронный перевод – одновременный с речью говорящего. Ранее синхрон существовал, но ограничивался чтением готового текста или параллельным последовательным переводом несколькими людьми.

Русскоязычную команду формировали из билингвов-эмигрантов в Великобритании, Франции, Германии и специалистов из СССР. Отборщики сами не владели синхронным методом, поэтому критерии складывались эмпирически. К кандидатам на роль переводчиков предъявлялись следующие требования: владение иностранным языком на уровне носителя, богатый словарный запас и знание терминов военной, юридической и медицинской сфер, навык мгновенного подбора синонимов, высокая стрессоустойчивость, умение публично выступать, способность слушать и говорить параллельно, а также хороший голос и дикция. На втором этапе проверяли психофизиологическую готовность.

Экзамен имитировал реальный процесс перевода на судебном заседании: работа в кабине, перевод на родной и иностранный языки, ролевые игры судей и обвинителей, чтение документов, импровизация с изменением скорости речи [8, с. 8]. Подготовка велась во Дворце юстиции через имитацию трибунала. Записи занятий раз-

бирались и оценивались на предмет произношения, точности, темпа, а также полноты передачи текста. Генеральные пробы с синхронистами шли с 5 по 19 ноября 1945 года для отладки оборудования и проверки качества.

Всей переводческой командой руководил Рихард Зонненфельдт. «Моя должность начальника отдела переводов не была военным званием, но предполагала, что под моим началом находятся все остальные переводчики, стенографистки и машинистки управления по проведению допросов – числом больше пятидесяти», – писал он в воспоминаниях [4, с. 47]. Группой советских переводчиков руководил выдающийся советский дипломат Олег Трояновский, а затем Евгений Гофман, который оставил рукописные воспоминания, где в том числе описана организация зала судебных заседаний и рабочего места переводчиков: «Слева в два ряда скамьи подсудимых, огороженные массивной дубовой оградой, справа на возвышении длинный судейский стол, в центре столы защитников и стенографисток, в глубине зала четыре стола обвинения от СССР, США, Англии и Франции, ещё дальше – места прессы, над которыми навис балкон для немногочисленных гостей. В левом углу моё внимание привлекло странное сооружение из стекла, похожее на соты из четырёх ячеек с чернеющими за стеклом микрофонами. Это и были кабины переводчиков.» [1, с. 38].

20 ноября 1945 года – день, который принято считать днем рождения современного синхронного

конференц-перевода. С открытием процесса ответственность переводчиков стала колоссальной, их график жёстко регламентировали. Отдел переводов объединял 36 синхронистов, 12 последовательных переводчиков для неофициальных языков, восемь секций письменных переводчиков (15 – 18 на черновик, 8 на редактуру), 12 стенографистов на язык и свыше ста редакторов стенограмм [2, с. 242].

Состав синхронистов не менялся на протяжении всего трибунала. Их распределили на три смены («А», «В», «С») по 12 человек. Смена «А» трудилась первые 85 минут: в кабине трое, каждый с одного языка на свой, микрофон передавался при смене языка оратора (например, в английской кабине – с немецкого, французского и русского языков на английский). Смена «В» отдыхала в соседней комнате, слушала процесс, готовилась к подмене и унифицировала глоссарии. Смена «С» отдыхала или помогала с документами и стенограммами. Ротация давала оптимальный результат: примерно три часа в кабине в день, четыре дня в неделю. После 85 минут утра команда «А» уходила в комнату 606, «В» занимала место. В 13:00 – часовой перерыв, затем цикл повторялся. Начальник смены сидел между английской кабиной и столом исполнителя, следил за техникой, качеством, связывал судей с кабинами. Жёлтая лампа – просьба замедлить речь (норма – 60 слов в минуту), красная – авария (кашель, сбой оборудования) [6, с. 23].

Переводчиков разместили в «аквариуме» – четырёх открытых

сверху кабин (английская, русская, немецкая, французская) возле скамьи подсудимых для наблюдения за их реакциями. В каждой кабине – трое с наушниками и общим микрофоном. Участники получали наушники с пятью каналами (оригинал и переводы). Переводчики слушали только исходную речь. В зале работали шесть микрофонов, и каждый синхронист переводил строго в одном направлении.

Отдельно хотелось рассмотреть некоторые лингвистические особенности перевода в ходе трибунала. Так, например, грамматические особенности немецкого языка, в которых глагол в сложных предложениях стоит в конце, а также финальная позиция в предложении отделяемых приставок, которые влияют на значение слова и нередко меняют значение корневой морфемы глагола, существенно осложняли работу синхронных переводчиков, которым приходилось дослушивать до конца громоздкие предложения, чтобы начать перевод, что приводило к большому разрыву между речью говорящего и переводом и требовало предельной концентрации внимания и памяти. Поэтому были разработаны «Рекомендации для выступающих», в которых советовали строить предложения так, чтобы смысловой глагол был ближе к началу, что значительно облегчило работу синхронистам.

У переводчиков были также инструкции с особым вниманием относиться к некоторым словам. Например, обвиняемые нередко начинали свои ответы со слова «Ja» («да»), что в дослов-

ном переводе могло быть приравнено к признанию вины. Но чаще всего «Ja» – заполнитель паузы, требовавшейся подсудимому для размышлений. Переводчиков обязали не переводить его как положительный ответ, пока не будут полностью убеждены, что обвиняемый действительно выражает согласие с утверждением обвинителя; в противном случае по их вине человека могли признать виновным в том, чего он не совершал, и приговорить к смертной казни.

Подводя итог, выделим основные результаты, которые были достигнуты в области обучения и организации синхронного перевода, а также сложности, с которыми столкнулись переводчики и преодоление которых во многом наметило пути развития теории и практики переводческой деятельности.

Во-первых, впервые было опробовано техническое оснащение, необходимое для перевода.

Во-вторых, именно советские переводчики предложили систему работы синхронистов в парах, которая даже спустя 80 лет является золотым стандартом организации конференц-перевода.

Синхронный конференц-перевод стал отдельным направлением подготовки переводчиков, а системы оценки и имитация конференций как средство обучения переводу по сей день являются классикой при обучении устному переводу.

Проблема перевода специальной военной и юридической терминологии, переводческих лакун (например, отсутствие эквивалентов для воинских званий Третьего рейха), а также жаргон национал-социалистов, характерными чертами которого были двусмысленность и содержание эвфемизмов, – задали траекторию исследований в переводе.

Литература

1. Военная терминология и военный перевод : учеб. пособие / авт.-сост. П. П. Банман, А. А. Леглер. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. 186 с.
2. Жуковские чтения – 2023, посвященные 80-летию ключевых сражений Великой Отечественной войны: Сталинградской и Курской битвам : материалы всероссийской науч.-практ. конф. среди педагогов и учащихся довузовских образоват. организаций Минобороны России / Екатеринбургское СВУ. Т. 1. Екатеринбург, 2023. 363 с.
3. Звягинцев А. Г. Без срока давности... : к 70-летию Нюрнбергского военного трибунала. М. : Просвещение, 2016.
4. Зонненфельдт Р. В. Очевидец Нюрнберга, 1945 – 1946. Воспоминания переводчика американского обвинения / пер. с англ. Т. М. Шуликовой. М. : Центрполиграф, 2013. 252 с.
5. Лебедева Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса / Академия наук СССР. Ин-т всеобщей истории. М. : Наука, 1975.

6. Матасов Р. А. Синхронный перевод на Нюрнбергском процессе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 2. С. 18 – 34.
7. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 2 т. / под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.) [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М. : Госюриздат, 1954
8. Рагинский М. Ю. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. М. : Политиздат, 1986.
9. Руденко Р. А. Судебные речи и выступления / ред., вступ. ст. А. М. Рекункова. М. : Юридическая литература, 1987. 309 с.

O. A. Seliverstova
E. S. Ershova

TO THE ORIGINS OF CONFERENCE INTERPRETING

The article is devoted to the history of the emergence of conference interpreting as an independent type of translation. Using the Nuremberg Trials (1945 – 1946) as an example, the organizational, technical, and linguistic aspects of the introduction of conference interpreting are examined. The paper explores criteria for selecting interpreters, the shift rotation system, technical equipment ("aquarium") features, as well as linguistic difficulties associated with the characteristics of the German language. The conclusion highlights the significance of the Nuremberg experience for the development of modern conference interpreting.

Keywords: conference interpreting, Nuremberg Trials, history of translation, oral translation.

УДК 81'42:004.738.5

В. К. Никитина

А. С. Яковлева

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Статья посвящена корпусному исследованию прагматических функций дискурсивных маркеров (ДМ) в русскоязычной интернет-коммуникации на материале мессенджера Telegram и социальной сети ВКонтакте. Актуальность работы обусловлена расширением сферы неформального цифрового общения, в котором ДМ приобретают новые функциональные характеристики, не зафиксированные в описаниях устной речи. Цель исследования – выявить специфику дистрибуции и функциональной нагрузки ДМ в условиях компьютерно-опосредованной коммуникации по сравнению с устным дискурсом. Методология включает корпусно-дискурсивный анализ с применением количественных и качественных процедур: формирование пользовательского корпуса объемом 420 000 словоупотреблений, конкордансный анализ, частотное профилирование и функциональная аннотация контекстов употребления. Результаты демонстрируют, что в цифровом дискурсе происходит перераспределение прагматических функций ДМ: ослабляется роль хезитативных маркеров при одновременном усилении эмфатических, аффективных и метакоммуникативных функций. Выявлена тенденция к кластерному употреблению ДМ в позициях инициации и завершения реплики, что коррелирует с диалогической организацией чатов и комментариев. Зафиксирована функциональная дивергенция маркеров *ну, вот, тина, короче, как бы* в зависимости от платформы, тематики и возрастной группы пользователей. Полученные данные расширяют представление о прагматикализации лексических единиц в условиях цифровой среды и вносят вклад в развитие корпусной прагматики применительно к русскому языку.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, интернет-коммуникация, корпусный анализ, прагматические функции, русский язык, цифровой дискурс, прагматикализация.

Введение

Изучение дискурсивных маркеров (ДМ) остаётся одним из наиболее продуктивных направлений лингви-

стической прагматики, о чём свидетельствует непрекращающийся рост числа исследований на разнотипном языковом материале. В типо-

логическом ключе ДМ рассматриваются как единицы, функционирующие на стыке грамматики предложения и грамматики дискурса, причём их возникновение объясняется механизмом кооптации – переносом языкового сегмента из пропозициональной структуры в дискурсивную [1]. Эта теоретическая рамка позволила преодолеть ограничения классических моделей грамматикализации при описании ДМ и открыла перспективу для межъязыкового сопоставления механизмов прагматикализации. Вместе с тем абсолютное большинство корпусных исследований ДМ выполнено на материале устной речи, тогда как компьютерно-опосредованная коммуникация (КОК) изучена фрагментарно и преимущественно на англоязычном материале [2].

Русскоязычная традиция описания ДМ опирается на понятие «дискурсивные слова», введённое в работах 1990-х годов и получившее развитие в контексте функционально-семантического анализа [3]. Корпусный подход к изучению ДМ в русском языке формировался параллельно с созданием звуковых корпусов, в частности корпуса повседневной речи «Один речевой день» и устного подкорпуса Национального корпуса русского языка, позволивших на количественных данных зафиксировать инвентарь и частотность прагматем в спонтанном диалоге [4]. Специальное внимание уделяется прагматикализации глагольных форм: показано, что глаголы речи *говорить* и *сказать* порождают широкий спектр дискурсив-

ных маркеров – от репортативов *грит/грю* до формульных выражений с клишированной структурой [5]. Функциональная типология охватывает хезитативы, рефлексивы, дискурсивы и метакommunikативы, однако релевантность этой классификации для интернет-дискурса до настоящего времени не верифицирована.

Между тем цифровая коммуникация в русскоязычном сегменте демонстрирует устойчивый рост: по данным Mediascope за 2023 год, Telegram вошёл в тройку наиболее популярных платформ в России наряду с YouTube и ВКонтакте, а среднее ежедневное время пользователей в мессенджере превысило пять часов [6]. Язык социальных сетей характеризуется свободой от нормативных ограничений, активным словотворчеством и проницаемостью границ между устной и письменной модальностями [7]. В этих условиях ДМ, традиционно ассоциируемые с устной спонтанной речью, проникают в письменные тексты чатов, комментариев и постов, приобретая при этом дополнительные функции. Корпусные исследования англоязычных социальных сетей подтверждают, что крупные корпуса цифрового дискурса требуют специфических методологических решений, включая стратегии сэмплирования и ключевых слов, адаптированные к неоднородности интернет-текстов [8].

Проблема функциональной адаптации ДМ в цифровой среде приобретает особую значимость в контексте транс-дискурсивного взаимодействия: как продемонстрировано на по-

этическом материале, прагматические маркеры в условиях повышенной проницаемости между дискурсами образуют «кластеры» и «цепочки», расширяя диапазон отклонений от стандартного употребления [9]. Аналогичные процессы предположительно происходят в интернет-коммуникации, где гибридность регистра и полимодальность создают контекст для функциональной дивергенции ДМ. Кроме того, сопоставительные исследования ДМ в речи носителей и неносителей языка указывают на варьирование частотности и позиционных паттернов маркеров в зависимости от коммуникативного контекста [10]. Хеджирование и эпистемическая маркировка в русскоязычных научных текстах также обнаруживают диахроническую динамику, свидетельствующую о чувствительности прагматических единиц к жанровым и дискурсивным параметрам [11].

Цель настоящего исследования – установить закономерности дистрибуции и функциональной нагрузки дискурсивных маркеров *ну, вот, типа, короче, как бы* в русскоязычной интернет-коммуникации (Telegram и ВКонтакте) на основе корпусного анализа с учётом переменных «платформа», «тематика», «возраст пользователя». Задачи включают: построение и аннотирование пользовательского корпуса цифрового дискурса; частотное профилирование ДМ с определением позиционных паттернов; функциональную классификацию контекстов употребления; сопоставление полученных данных с параметрами ДМ в устном дискурсе.

Методы

Исследование проведено в русле корпусно-дискурсивного анализа, сочетающего количественные и качественные процедуры [12]. Эмпирическую базу составил пользовательский корпус, сформированный из публично доступных текстов двух платформ: комментариев и постов ВКонтакте и сообщений открытых групповых чатов Telegram. Сбор материала осуществлялся в период с января по ноябрь 2025 года. Итоговый объём корпуса – 420 000 словоупотреблений. При отборе текстов соблюдался принцип тематической диверсификации: включены фрагменты бытового, общественно-политического и профессионального общения. Возрастная стратификация информантов определялась на основании метаданных профилей и контекстных индикаторов (три группы: 18 – 25, 26 – 35, 36+).

Процедура анализа включала несколько этапов. На первом этапе корпус подвергался лемматизации и морфологической разметке средствами MyStem с последующей ручной верификацией контекстов пяти целевых маркеров (*ну, вот, типа, короче, как бы*). Выбор маркеров обусловлен их высокой частотностью в устном подкорпусе НКРЯ и указаниями на их прагматикализированный статус в имеющейся литературе [13]. На втором этапе для каждого маркера проводился конкордансный анализ с определением позиции в реплике (инициальная, медиальная, финальная), ближайшего контекстуального окружения и коммуникативной функции. Функ-

циональная таксономия опиралась на шестичленную модель, включающую: (1) хезитативную, (2) дискурсивно-структурирующую, (3) эмфатическую, (4) аффективно-оценочную, (5) мета-коммуникативную, (6) аппроксимативную функции. Аннотирование выполнялось двумя экспертами независимо, коэффициент согласия к Коэна составил 0,81. На третьем этапе количественные данные обрабатывались с применением критерия χ^2 для оценки статистической значимости различий в распределении функций

между платформами и возрастными группами.

Результаты

Частотное профилирование дискурсивных маркеров

Общий объём извлечённых контекстов употребления пяти целевых ДМ составил 12 748 вхождений. Нормализованная частотность (на 10 000 словоупотреблений) позволяет зафиксировать количественные различия между платформами и возрастными группами. Суммарные показатели частотности представлены в табл. 1.

Таблица 1

Нормализованная частотность ДМ (вхождений на 10 000 слов)

Маркер	Telegram	ВКонтакте	Устный подкорпус НКРЯ*
<i>ну</i>	112,4	87,3	148,6
<i>вот</i>	48,7	41,2	96,3
<i>типа</i>	37,9	52,6	18,4
<i>короче</i>	29,1	34,8	22,7
<i>как бы</i>	24,3	28,9	31,5

* – сравнительные данные по устному подкорпусу НКРЯ приведены для контекстуализации.

Маркер *ну* демонстрирует наибольшую абсолютную частотность на обеих платформах, однако его нормализованный показатель в цифровом дискурсе существенно ниже, чем в устной речи (112,4 и 87,3 против 148,6). Объяснение следует искать в редукции хезитативной составляющей: в письменной интернет-коммуникации паузы заполнения не требуют вербального оформления, что снижает долю контекстов, где *ну* выполняет функцию хезитатива. Напротив, маркер *типа* обнаруживает обратную динамику – его частотность в

интернет-дискурсе в 2 – 2,8 раза превышает показатели устного корпуса. Это свидетельствует об экспансии аппроксимативной и цитативной функций данного маркера в условиях письменной КОК, где он всё чаще используется для ввода чужой речи и стилизации устности.

Позиционное распределение маркеров

Анализ позиции ДМ в структуре реплики выявил существенные расхождения между платформами. Данные табл. 2 фиксируют распределение позиций для каждого маркера.

Таблица 2

Позиционное распределение ДМ в реплике (% , Telegram / ВКонтакте)

Маркер	Инициальная	Медialная	Финальная
<i>ну</i>	61,2 / 43,8	28,4 / 38,7	10,4 / 17,5
<i>вот</i>	22,6 / 18,3	41,7 / 49,2	35,7 / 32,5
<i>типа</i>	14,3 / 11,9	72,1 / 68,4	13,6 / 19,7
<i>короче</i>	78,5 / 64,2	16,3 / 27,6	5,2 / 8,2
<i>как бы</i>	18,7 / 21,4	69,8 / 64,3	11,5 / 14,3

Маркер *короче* тяготеет к инициальной позиции на обеих платформах – в Telegram этот показатель достигает 78,5 %. Подобная тенденция коррелирует с его дискурсивно-структурирующей функцией: *короче* сигнализирует переход к сути сообщения, компрессируя предшествующий нарратив. В Telegram, где реплики, как правило, короче и насыщеннее, этот маркер фактически выступает в роли инициатора нового тематического блока. Маркер *ну* в Telegram также преимущественно инициален (61,2 %), тогда как в ВКонтакте его позиционное распределение более сбалансировано, что объясняется бóльшим объёмом комментариев и возможностью

развёрнутого высказывания. Финальная позиция *вот* (35,7 % в Telegram) отражает его функцию завершающего маркера, аналогичную описанной в устном дискурсе, где *вот* маркирует коду высказывания. Разница с ВКонтакте (32,5 %) статистически незначима ($p > 0,05$), что указывает на устойчивость данного позиционного паттерна.

Функциональное распределение

Функциональная аннотация контекстов позволила определить долю каждой из шести функций для пяти маркеров. Обобщённые данные по всему корпусу (обе платформы) представлены в табл. 3.

Таблица 3

Функциональное распределение ДМ в корпусе интернет-коммуникации (%)

Функция	<i>ну</i>	<i>вот</i>	<i>типа</i>	<i>короче</i>	<i>как бы</i>
Хезитативная	11,3	3,2	2,1	0,8	14,6
Дискурсивно-структурирующая	34,7	28,9	8,4	62,3	7,2
Эмфатическая	22,8	38,6	12,3	18,4	5,9
Аффективно-оценочная	19,4	14,2	21,7	11,2	18,3
Метакоммуникативная	8,6	12,4	7,8	5,1	12,8
Аппроксимативная	3,2	2,7	47,7	2,2	41,2

Наиболее показательна функциональная картина маркера *типа*: почти половина контекстов (47,7 %) реализует аппроксимативную функцию, при которой маркер указывает на приблизительность номинации, неточность цитирования или стилизацию чужого высказывания. В устной речи эта функция также присутствует, но её удельный вес существенно ниже. Расширение аппроксимативной функции *типа* в интернет-дискурсе связано с характерной для КОК стратегией «понижения категоричности»: пишущий использует маркер для дистанцирования от буквального содержания, передачи иронии или указания на условность именования. Маркер *как бы* демонстрирует сходную функциональную специализацию – 41,2 % аппроксимативных контекстов, однако здесь чаще фиксируется компонент эпистемической неуверенности, а не цитативности.

Маркер *короче* концентрирует 62,3 % употреблений в дискурсивно-структурирующей функции. Типичный контекст – инициация реплики с резюмированием предшествующей информации: «*Короче, он ничего не сделал*», «*Короче я решила не ходить*». Присутствие данного маркера в эмфатической функции (18,4 %) связано с контекстами выражения экспрессии и усиления утверждения, особенно в нарративных фрагментах.

Межплатформенные различия

Статистическая проверка распределений по платформам с использованием критерия χ^2 выявила значимые различия для маркеров *ну* ($\chi^2 = 24,7$, $p < 0,001$), *типа* ($\chi^2 = 18,3$, $p < 0,01$) и *короче* ($\chi^2 = 15,9$, $p < 0,01$). Для маркеров *вот* и *как бы* различия не достигли уровня значимости. Детализация представлена в табл. 4.

Таблица 4

Доля эмфатической функции по платформам (%)

Маркер	Telegram	ВКонтакте	χ^2	p
<i>ну</i>	27,4	18,1	12,6	< 0,001
<i>вот</i>	39,8	37,2	1,4	> 0,05
<i>типа</i>	15,6	9,1	9,8	< 0,01
<i>короче</i>	23,7	13,2	11,3	< 0,01
<i>как бы</i>	6,8	5,1	0,9	> 0,05

Telegram-коммуникация демонстрирует повышенную долю эмфатической функции у маркеров *ну*, *типа* и *короче*, что объясняется спецификой формата: короткие реплики в чатах требуют интенсификации

прагматического воздействия при минимальном объёме текста. Пользователи компенсируют отсутствие просодии и жестов усилением функциональной нагрузки ДМ, превращая их в средства экспрессивной модуляции высказыва-

ния. В ВКонтакте, где комментарии длиннее и ближе к монологическому формату, ДМ чаще выполняют дискурсивно-структурирующую и аффективно-оценочную функции.

Возрастная дифференциация

Анализ по возрастным группам обнаружил выраженную стратификацию в употреблении *типа* и *как бы*. Данные сгруппированы в табл. 5.

Таблица 5

Нормализованная частотность маркеров по возрастным группам (на 10 000 слов)

Маркер	18 – 25 лет	26 – 35 лет	36+ лет
<i>ну</i>	96,3	104,7	98,2
<i>вот</i>	34,1	46,8	57,4
<i>типа</i>	68,4	39,2	14,7
<i>короче</i>	41,6	30,5	18,3
<i>как бы</i>	32,8	27,1	19,6

Маркер *типа* обнаруживает резкий возрастной градиент: его частотность в группе 18 – 25 лет почти в пять раз превышает показатели группы 36+. Функциональный анализ этой подвыборки показал, что молодые пользователи активно задействуют *типа* не только в аппроксимативной функции, но и как маркер иронической модализации и цитатной стилизации. Маркер *вот*, напротив, тяготеет к старшей возрастной группе (57,4), воспроизводя паттерн устной речи, где *вот* устойчиво ассоциируется с нарративной кодой. Для *ну* возраст-

ная дифференциация минимальна, что свидетельствует о базовом, немаркированном статусе данного ДМ в русской коммуникации независимо от канала и социальных параметров.

Кластерное употребление

Отдельный пласт данных составляют контексты сочетанного употребления двух и более ДМ в рамках одной реплики. Подобные «кластеры» зафиксированы в 18,3 % от общего числа реплик, содержащих хотя бы один маркер. Типичные кластерные модели представлены в табл. 6.

Таблица 6

Частотность кластерных моделей ДМ (абс. / доля от кластерных контекстов, %)

Кластерная модель	Абс.	%	Типичная позиция
<i>ну + вот</i>	387	22,4	инициальная
<i>короче + ну</i>	214	12,4	инициальная
<i>типа + как бы</i>	198	11,5	медialная
<i>ну + короче</i>	176	10,2	инициальная
<i>вот + типа</i>	134	7,8	медialная
прочие комбинации	618	35,7	вариативно

Преобладание инициальных кластеров (*ну вот, короче ну, ну короче*) отражает прагматическую стратегию «вхождения в реплику», при которой говорящий/пишущий аккумулирует несколько маркеров для обозначения перехода к новому коммуникативному шагу. Медиальные кластеры *типа как бы* и *вот типа* выполняют функцию двойного аппроксимативного хеджирования, снижая категоричность высказывания и сигнализируя о неполном совпадении номинации с референтом. Кластерное употребление на 23 % чаще встречается в Telegram, чем в ВКонтакте ($p < 0,01$), что коррелирует с компрессией реплик в чатовом формате.

Ключевые находки

Полученные данные позволяют говорить о нескольких взаимосвязанных закономерностях в работе ДМ в русскоязычном цифровом дискурсе – причём закономерности эти оказываются не такими однозначными, как можно было предположить на старте. Прежде всего, переход от устной коммуникации к письменной интернет-среде не вытесняет ДМ из речевого обихода; он скорее перестраивает их функциональный спектр. Хезитативная нагрузка падает – что, в общем, предсказуемо: пишущий располагает временем на обдумывание, – тогда как эмфатическая и аппроксимативная функции, напротив, выходят на передний план. Второе наблюдение касается платформенной обусловленности прагма-

тики. В Telegram ДМ чаще попадают в экспрессивные и кластерные употребления, в комментариях ВКонтакте – в структурирующие и оценочные. Разница ощутимая и едва ли случайная: мессенджер тяготеет к диалогу, комментарий – к развёрнутой реплике, почти монологической. Третий момент – возрастная стратификация. Она затрагивает прежде всего «молодёжные» маркеры (*типа, короче*), тогда как *ну* практически безразлично к возрасту говорящего, и это, пожалуй, лучшее подтверждение его ядерного статуса в русской дискурсивной системе. Наконец, кластерные употребления ДМ в цифровой коммуникации обнаруживают переключку с «цепочками» прагматических маркеров, описанными ранее в поэтическом дискурсе [9], – параллель неочевидная, но типологически, как нам представляется, содержательная. Дальнейшие исследования логично разворачивать в сторону мультимодальности – включения эмодзи и стикеров в общий прагматический анализ [14], – а также расширения корпусной базы за счёт видеохостингов и голосовых сообщений [15].

Заключение

Корпусное исследование, представленное в настоящей статье, фиксирует системные сдвиги в функционировании дискурсивных маркеров при их переходе из устного спонтанного дискурса в письменную интернет-коммуникацию. Анализ 12 748 контекстов употребления пяти

маркеров (*ну, вот, типа, короче, как бы*) на материале корпуса объёмом 420 000 словоупотреблений показал, что цифровая среда прагматический потенциал ДМ не нейтрализует – она перестраивает его под специфику канала, формата и социального профиля пользователя.

Главный вывод можно сформулировать так: функциональная архитектура ДМ в интернет-коммуникации подчиняется принципу компенсаторной прагматики. Утраченные в письменной среде просодические, кинесические и темпоральные ресурсы устного общения компенсируются усилением эмфатической, аппроксимативной и кластерной реализации маркеров. Хезитативная функция, в устной речи безоговорочно доминирующая, здесь заметно редуцируется и уступает место модализации и экспрессивной интенсификации. Отдельного внимания заслуживает маркер *типа* – своего рода индикатор происходящей смены прагматической парадигмы. Его экспансия в речи молодых пользователей впечатляет: в возрастной группе 18 – 25 лет частотность почти впятеро превышает показатели группы 36+. За этим, по всей видимости, стоит формирование нового регистрово-прагматического стандарта, в котором аппроксимация и ироническое дистанцирование становятся конвенциональными стратегиями, а не отклонениями от нормы.

Платформенная дифференциация подтверждает: цифровой дискурс внутренне неоднороден. Мессенджерная коммуникация (Telegram) тяготеет к компрессированным, экспрессивным, кластерным моделям употребления ДМ; комментарийный формат ВКонтакте функционально ближе к монологическим жанрам. Любопытно, что выявленные кластерные паттерны – *ну вот, короче, ну, типа как бы* – обнаруживают сходство с «цепочками» прагматических маркеров поэтического дискурса, и это сходство вряд ли сводится к случайному совпадению: речь, судя по всему, идёт об универсальном механизме прагматической аккумуляции, срабатывающем там, где возрастает дискурсивная проницаемость.

Ограничения проведённой работы очевидны. Социодемографические данные пользователей не поддаются полной верификации; приватная переписка из выборки исключена по этическим соображениям; мультимодальный компонент – эмодзи, стикеры, голосовые сообщения – остался за рамками анализа. Перспективным направлением видится включение этих элементов в расширенную прагматическую разметку, а также лонгитюдный анализ, способный охватить динамику прагматикализации ДМ на отрезке в несколько лет.

Исследование выполнено без привлечения грантового финансирования.

Литература

1. Heine B., Kaltenböck G., Kuteva T., Long H. The Rise of Discourse Markers. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 308 p.
2. Crystal D. Language and the Internet. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 304 p.
3. Зализняк Анна А. Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: пожалуй, никак, все-таки // Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22, № 3. С. 628 – 652. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-3-628-652>.
4. Русский язык повседневного общения: грамматический аспект / Н. В. Богданова-Бегларян [и др.] // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2017. Вып. 5. С. 7 – 22.
5. Подлесская В. И. Скажем так: дискурсивные маркеры, восходящие к глаголам речи в русском языке // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 52 – 82.
6. Эшкинина У. Ю. Спортивные каналы в Telegram: жанры, темы и форма публикаций // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 6. С. 89 – 97. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-6-89-97>.
7. Езан И. Й., Ковтунова Е. А. Немецкоязычная интернет-лингвистика: история и современность // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2022. Вып. 12. С. 252 – 272. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2022.113>.
8. Ortiz A., García-Gámez M. Strategies for the Analysis of Large Social Media Corpora: Sampling and Keyword Extraction Methods // Corpus Pragmatics. 2023. Vol. 7. № 3. P. 241 – 265. <https://doi.org/10.1007/s41701-023-00143-0>.
9. Sokolova O. V., Feshchenko V. V. Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28. № 3. С. 706 – 733. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-40107>.
10. Öztürk Y., Durmuşoğlu Köse G. "Well (er) you know ...": Discourse Markers in Native and Non-Native Spoken English // Corpus Pragmatics. 2021. Vol. 5. P. 223 – 242. <https://doi.org/10.1007/s41701-020-00095-9>.
11. Boginskaya O. Functional Categories of Hedges: A Diachronic Study of Russian Research Article Abstracts // Russian Journal of Linguistics. 2022. Vol. 26, no. 3. P. 645 – 667. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30017>.
12. Rühlemann C. Corpus Linguistics for Pragmatics: A Guide for Research. London : Routledge, 2019. 270 p.
13. Шилихина К. М., Смирнова В. В. Дискурсивные маркеры проблемной достоверности в выступлениях TED Talks: корпусный анализ // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 3. С. 30 – 38. <https://doi.org/10.17308/lic.2021.3/3577>.
14. Fu Y., Afzaal M., El-Dakhs D. A. S. Investigating Discourse Markers "you know" and "I mean" in Mediatized English Political Interviews: A Corpus-Based

Comparative Study // *Frontiers in Communication*. 2024. Vol. 9. Art. 1427062. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2024.1427062>.

15. Sokolova O. V., Feshchenko V. V. Metatextual Discourse Markers as Pragmatic Units: A Corpus-Based Analysis of Poetic Discourse and Colloquial Speech // *Russian Journal of Linguistics*. 2025. T. 29, № 1. С. 56 – 89. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-47821>.

V. K. Nikitina
A. S. Yakovleva

**DISCOURSE MARKERS IN RUSSIAN-LANGUAGE INTERNET
COMMUNICATION: A CORPUS-BASED ANALYSIS OF PRAGMATIC
FUNCTIONS**

The article presents a corpus-based investigation of pragmatic functions of discourse markers (DMs) in Russian-language internet communication, drawing on data from Telegram and VKontakte. The study analyses a user-compiled corpus of 420,000 tokens and examines five target markers (*nu*, *vot*, *tipa*, *koroche*, *kak by*) through concordance analysis, frequency profiling, and functional annotation. The results demonstrate a redistribution of pragmatic functions in digital discourse compared to spoken speech: hesitant functions weaken, while emphatic, affective, and approximative functions are amplified. Significant platform-dependent variation is identified: Telegram communication exhibits higher rates of emphatic and clustered DM usage, whereas VKontakte comments favour discourse-structuring and evaluative functions. Age-related stratification primarily affects the markers *tipa* and *koroche*, while *nu* remains unmarked across age groups, confirming its core status in the Russian discourse system. Cluster patterns of DMs parallel similar phenomena observed in poetic discourse, suggesting typologically convergent processes across communicative environments.

Keywords: discourse markers, internet communication, corpus analysis, pragmatic functions, Russian language, digital discourse, pragmaticalization.

УДК: 343.81+340.12

А. С. Тимощук

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ ИНДИЯ: ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ В ПРАКТИКЕ

Республика Индия переживает историческую трансформацию своей системы уголовного и уголовно-исполнительного правосудия. В её основе лежит отказ от колониального наследия в пользу модернизированной, технологически ориентированной и учитывающей интересы жертв системы правосудия. Уголовно-исполнительная политика Индии сочетает в себе современную, реформаторскую и реабилитационную сторону системы правосудия с глубоко укоренившимися мононормами, регулируемыми религиозные, личные и обычные законы. Основной подход, находящийся под влиянием Махатмы Ганди, фокусируется на принципе «осуждать грех, а не грешника», стремясь к реабилитации преступников. Хотя система носит реформаторский характер, она сохраняет карательные элементы. Правящий класс Индии стремится уравновесить государственные, светские и карательные законы: защищать религиозные свободы и вместе с тем подчинять религиозные практики «конституционной морали» для обеспечения гендерного равенства и достоинства, избавляясь от кастового наследия. Верховный суд часто ограничивает религиозные практики «конституционной морали» (равенство, недискриминация), отменяя традиционные практики, противоречащие основным правам. Предоставляя свободу вероисповедания, государство регулирует, а иногда и реформирует религиозные институты, чтобы привести их в соответствие с конституционными принципами. Параллельно уголовному праву личные законы, основанные на общине и религии, регулируют такие вопросы, как брак и наследование, хотя и постоянно реформируются.

Ключевые слова: Индия, уголовно-исполнительная система, перевоспитание, исправление, реабилитация, пенитенциарная реформа.

1 июля 2024 года в Индии вступили в силу три основополагающих закона, полностью заменившие кодексы поведения, действовавшие со времён британского колониального правления [9].

Бхаратия Ньяя Санхита (БНС) заменил Уголовный кодекс Индии (УИК), принятый ещё в XIX веке. БНС вводит новые преступления (например, организованная преступность, терроризм) и отдаёт приори-

тет преступлениям против женщин и детей.

Бхаратия Нагарик Суракша Санхита (БНСС) заменяет Уголовно-процессуальный кодекс (УПК). Этот закон устанавливает строгие сроки для расследований и судебных процессов для борьбы с хронической перегрузкой судов.

Закон о доказательствах (Бхаратия Сашья Адхиниям, БСА) заменяет предыдущий Закон о доказательствах. Теперь он признает цифровые и электронные доказательства в качестве полностью допустимых первичных доказательств.

Уголовный кодекс Индии был разработан в 1860 году в соответствии с решением первой Правовой комиссии, созданной в 1834 году в соответствии с Законом о Хартии 1833 года. Закон о доказательствах в Индии первоначально были принят Имперским законодательным советом в 1872 году во время британского правления и содержал набор правил, регулирующих допустимость доказательств в индийских судах и связанные с этим вопросы.

В БНС предусмотрены специальные положения о допустимости доказательств ДНК, таких как согласие, хронологические документы и так далее, которые могут повысить точность и надежность биологических доказательств.

Закон признает экспертные заключения, такие как медицинское заключение и анализ почерка, в качестве доказательств, которые могут помочь в установлении фактов или обстоятельств, имеющих отношение к делу;

вводит презумпцию невиновности как основополагающий принцип системы уголовного правосудия, означающий, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана вне разумных сомнений.

БНС сохраняет большинство преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Индии. В качестве наказания были добавлены общественные работы. Подстрекательство к мятежу больше не является преступлением. Вместо этого действия, угрожающие суверенитету, единству и целостности Индии, были объявлены новыми преступлениями. БНС добавляет терроризм в список преступлений. Оно определяется как действие, направленное на угрозу единству, целостности и безопасности страны, запугивание населения или нарушение общественного порядка.

Организованная преступность была добавлена в список преступлений. Сюда входят такие преступления, как похищение людей, вымогательство и киберпреступность, совершаемые преступными синдикатами. Даже мелкие организованные преступления теперь являются преступлениями.

Убийство, совершенное группой из пяти или более человек по признаку расы, языка или личных убеждений, является преступлением, наказуемым лишением свободы на срок от семи лет до пожизненного заключения или смертной казни.

БНС рассматривает общественные работы как форму наказания. Он расширяет наказание за следующие

правонарушения: кража имущества стоимостью менее 5000 рупий, попытка самоубийства с намерением помешать государственному служащему, появление в состоянии алкогольного опьянения и нарушение общественного порядка. При этом БНС не определяет, в чем будут заключаться общественные работы и как они будут осуществляться.

Приоритеты и реализация исполнительной власти при Нарендра Моди отличаются в социальной политике, преодолении технологического отставания, преодолении бедности, ориентации на импортозамещение. При этом в политике безопасности правительство Индии стремится достичь высокой дисциплины, технологичности и персонализации. Министр внутренних дел Амит Шах анонсирует переход от карательного подхода к подходу, ориентированному на справедливость [26].

Исполнительная власть продвигает также цифровизацию и другие технологии, например, использование видеоконференций для дачи показаний свидетелями и представления обвиняемых с целью экономии времени и средств. Проект «Электронные суды, фаза III» также интегрирует порталы на основе искусственного интеллекта, такие как SUPACE и SUVAS, для повышения эффективности [13].

Принимаются новые обязательства в области судебной экспертизы. С 2025 года участие экспертов-криминалистов в расследовании тяжких преступлений (например, убийства, изнасилования) законодательно

закреплено для повышения уровня обвинительных приговоров на основе научных доказательств [5].

Реализуются новые подходы к наказанию на основе реабилитации: общественные работы за мелкие правонарушения и расширенные программы реформирования для несовершеннолетних правонарушителей.

В течение переходного периода до конца 2024 года старая и новая системы функционировали параллельно; с января 2025 года целью стала полная реализация во всех штатах (например, в Харьяне к марту 2025 года).

Несмотря на реформы, исполнительная власть сталкивается со значительными проблемами из-за переполненности тюрем и нехватки мест в тюрьмах открытого типа. В феврале 2026 года Верховный суд Индии вновь издал общенациональные директивы по реформе тюремной системы. Кроме того, политическая ситуация по-прежнему характеризуется высокой долей членов парламента с судимостями [Там же].

Основная часть. Индийская правовая система прошла многовековой путь от древних религиозных мононорм до сложной современной конституционной структуры [1; 2; 4]. В древний период, «эпоху дхармы» до н. э., были заложены религиозно-ритуальные концепции долга и праведности. Правовые принципы были выведены из Вед, Упанишад, а позже кодифицированы в таких текстах, как Манусмрити, Яджнавалкья Смрити и Артхашастра Каутильи. Правосудие было децентрализовано. Местные

споры разрешались сельскими панчаятами (советах старейшин). Царь служил высшей судебной властью (Дхармапала), консультируясь с учёными и министрами.

В средневековый период Индия испытала персидо-арабское влияние. Приход Делийского султаната и империи Великих Моголов ввёл исламское право (шариат), которое сосуществовало с местным обычным правом. Была создана структурированная иерархия судов, начиная от парганских (окружных) судов и заканчивая двором императора. Судебные должностные лица: кази (судьи) назначались для рассмотрения гражданских и уголовных дел, в то время как немусульмане часто продолжали следовать своим религиозным обычаям в личных спорах.

В колониальную эпоху произошло введение общего права (common law), где источником права является прецедент. Британское правление (XVII – XX века) коренным образом преобразовало систему, введя английское общее право и формальную кодификацию. Закон о регулировании 1773 года учредил Верховный суд в Калькутте (1774), далее последовали Мадрас и Бомбей. Уоррен Гастингс ввел отдельные суды для гражданских (Дивани) и уголовных (Фауздары) дел. Под влиянием лорда Маколея были разработаны основополагающие законы, заменившие различные обычаи: Индийский уголовный кодекс (1860), Индийский закон о доказательствах (1872), Индийский закон о договорах (1872). Закон об индийских Высоких

судах 1861 года заменил старые суды Высокими судами в крупных провинциях. Закон об управлении Индией 1935 года позже создал Федеральный суд Индии, предшественник современного Верховного суда.

После обретения независимости в Индии наступает, условно, конституционная эра. С обретением независимости в 1947 году и принятием Конституции Индии в 1950 году система считается суверенной и демократической структурой. Верховный суд Индии был создан как высший судебный орган и защитник основных прав. Судебная система ввела судебные разбирательства в общественных интересах (PIL) и доктрину базовой структуры для обеспечения социальной справедливости и предотвращения превышения конституционных полномочий. К недавним изменениям относятся создание специализированных трибуналов (например, Национального экологического трибунала) и цифровизация судебной системы посредством проекта «Электронные суды».

Индийская тюремная система и законодательство проходят очередную попытку тюремной реформы за последние сто лет. Плачевное состояние индийских тюрем не останавливает законодателей изучать причины неэффективности пенитенциарной системы и возможность её реформы. Ещё пенитенциарный комитет 1858 года пришёл к выводу, что тюремный персонал находился под влиянием идей кастовости, коррупции и жестокого обращения с осужденными;

констатировал необходимость традиционного для Индии воздействия на осуждённых, – религиозного воспитания, а также внедрения системы вознаграждения за хорошее поведение. Комитет принял решение улучшить материально-техническое и бытовое состояние тюрем и предусмотреть помещения для изоляции нарушающих дисциплину [22].

Правительство Индии приняло доклад комитета и отреагировало в 1894 году «Законом о тюрьмах». Этот закон оказал влияние на организацию пенитенциарной работы. В нем было дано определение тюрем и четко указаны обязанности тюремных надзирателей, запрещены телесные наказания, введено положение о раздельном содержании мужчин и женщин, гражданских лиц и священнослужителей. Осужденные содержались в общих отрядных помещениях, отдельных небольших камерах и индивидуальных запираемых помещениях.

Комитет определял целью тюремной администрации предотвращение дальнейших правонарушений и реабилитацию правонарушителей. Тюрьма рассматривалась не как место наказания, а скорее как «исправительный центр». Ожидалось, что, находясь в тюрьме, правонарушители должны воздерживаться от совершения противоправных действий и в то же время должны быть готовы к исправлению.

В рамках тюремной реформы 1892 года был назначен Комитет по реабилитации, который провел переоценку всей тюремной администрации страны и принял резолюции о пре-

ступлениях и наказаниях в тюрьмах. Была высказана идея о сокращении традиционного применения телесных наказаний за нарушения трудового законодательства. Предлагалось ограничить их определёнными видами правонарушений, такими как подстрекательство к мятежу или мятеж, нападение на тюремный персонал, наблюдателей, посетителей и т. д. Были расширены возможности, предоставляемые тюрьмой для масджидов (коллективным молениям мусульман). Комитет также предложил стимулировать молодых сотрудников получать юридическое образование. Были приняты меры по организации начального образования. Комитет предложил создать библиотеки в каждой тюрьме и обеспечить заключённых качественным питанием и одеждой. Отдельно рассматривался вопрос об отбывании солдатами каторжных работ и соблюдении ими тюремной дисциплины.

В статье применяются термины «осуждённый» и «заключённый» без специальной пенитенциарной дискреции как спецконтингент, который подвергнут аресту в порядке меры пресечения, или лица, в отношении которых вынесен приговор.

В статье также широко применяется термин «тюрьма» безотносительно к российской реальности, где, помимо собственно тюрем, существует весьма дифференцированная система (ИК, СИЗО, ЛИУ, ИЦ).

В Республике Индия пенитенциарные учреждения (тюрьмы) классифицируются в первую очередь по уровню управления, уровню безопас-

ности и демографическим характеристикам содержащихся в них заключенных. Согласно Конституции Индии, «тюрьмы» относятся к уровню управления штатов и территорий, что означает, что их ежедневное управление и классификация регулируются правительствами отдельных штатов и их соответствующими тюремными уставами.

Если говорить о классификации по административной иерархии, то обобщенная классификация следует многоуровневой структуре, основанной на продолжительности сроков заключения и имеющихся условиях:

Центральные тюрьмы – это крупные учреждения, часто вмещающие более 1000 заключенных, в которых содержатся заключенные, приговоренные к длительным срокам заключения, как правило, превышающим два года. Они обычно предлагают лучшие условия для реабилитации и профессиональной подготовки.

Районные тюрьмы служат основными тюрьмами для районов, в которых нет центральной тюрьмы. В них содержатся как осужденные, так и подследственные.

Тюрьмы-подразделения – это небольшие учреждения, расположенные на уровне районов (талуков). Они используются в основном для краткосрочного содержания под стражей и размещения подсудимых во время судебных разбирательств в местных судах.

Помимо стандартной иерархии, в Индии есть несколько специализированных типов тюрем, Так, женские

тюрьмы предназначены исключительно для заключенных женского пола, чтобы обеспечить их безопасность и особое внимание. Зачастую в них работают преимущественно женщины. Существуют также тюрьмы открытого типа с минимальным уровнем безопасности («тюрьмы без решеток») для осужденных, показавших хорошее поведение. Осужденные часто занимаются сельскохозяйственной или производственной деятельностью и живут в менее строгих условиях, чтобы способствовать их реинтеграции [6].

Школы для несовершеннолетних – это специализированные центры содержания под стражей для несовершеннолетних, где основное внимание уделяется образованию, реформе и профессиональной подготовке [7; 21].

Специализированные тюрьмы – это учреждения строгого режима для определенных категорий заключенных – лиц, причастных к терроризму, организованной преступности или неоднократно нарушавших тюремную дисциплину.

Спецконтингент в этих учреждениях также классифицируется по различным правовым категориям: 1) подсудимые или лица, ожидающие суда и еще не осужденные (они составляют более 70 % тюремного населения Индии; для сравнения, в России подследственные составляют менее 30 %); 2) осужденные или признанные виновными в совершении преступления и приговоренные судом; 3) задержанные или лица, содержащиеся под стражей в соответствии с законами о

превентивном заключении без формального судебного разбирательства по соображениям национальной безопасности или общественного порядка (подобная мера контроля очень широко применяется также в КНР); 4) гражданские заключенные или лица, задержанные по некриминальным делам, таким как неуплата гражданских долгов.

Ежегодная публикация отчёта «Статистика тюрем Индии 2024» стала уже самостоятельной историей, а также каким-то откровением, если учитывать религиозный характер всех индийских интеракций [24]. В отчёте Национального бюро по регистрации преступлений (National Crime Record Bureau, NCRB) о пенитенциарной статистике за 2023 год (данные публикуются с задержкой) подробно описываются проблемы перегруженности тюремной системой: 5,82 млн заключённых при разрешённой вместимости в 4,25 млн, а число лиц, находящихся под следствием, составляет примерно 78 % от общего числа. Помимо добавления данных, существенных изменений между вводными не произошло [17].

В последние годы страна охвачена политическими дебатами о реформе системы освобождения под залог, в то время как число людей в тюрьмах и местах лишения свободы, не осуждённых за какие-либо преступления, продолжает расти [8; 20]. NCRB формулирует эту проблему как переполненность. Однако правозащитники видят нечто гораздо более серьёзное: институционализацию

неравенства, и это серьёзная проблема для крупнейшей в мире демократии, которая стремится победить кастовое мышление.

Отчёт NCRB представляет данные, однако не предпринимается попыток разобраться в причинах, по которым так много индийцев остаются в тюрьмах без суда. В докладе также не поднимается вопрос о том, почему бедные и маргинализированные группы постоянно возглавляют эти списки.

Согласно докладу, мусульмане составляют 16,5 % от общего числа заключённых страны, и эта доля остаётся неизменно высокой, несмотря на неоднократные призывы к пересмотру. Доля мусульманских заключённых остаётся неизменно на высоком уровне, и политические дискуссии вокруг этой цифры стали только ещё более напряжёнными, усиливая обвинения правящей партии Нарендры Моди в религиозной дискриминации.

Критики полагают, что профилирование по религиозному признаку — это негласная административная практика. Аресты, проводимые в соответствии с Законом о предотвращении незаконной деятельности (UAPA) и Законом о национальной безопасности (NSA), по-прежнему непропорционально часто затрагивают мужчин-мусульман, особенно в Махараштре, Уттар-Прадеше и Дели.

Причины непубличности этой темы обнаруживаются в деле Джаведа Ахмеда Хаджама против штата Махараштра. Хаджам, профессор колледжа из Колхапура, опубликовал два обновления статуса в социальной сети в

августе 2022 года: одно с надписью «Чёрный день Джамму и Кашмира» от 5 августа и другое с надписью «С Днём независимости Пакистана» от 14 августа. Это привело к подаче против него подозрения (первичной информации, first information report, FIR) по статье 153А (разжигание вражды) Уголовного кодекса Индии.

Верховный суд в итоге отклонил обвинение, постановив, что эти публикации представляли собой политическое инакомыслие и не содержали злого умысла, необходимого для применения статьи 153А. Разъясняя свою позицию, суд сослался на принцип разумности, заявив, что инакомыслие не может быть криминализировано, а статья 153А не может произвольно подавлять критику [11].

В решении также выражается обеспокоенность институциональным аспектом всего расследования – тем, как расплывчатые формулировки закона и неподготовленность правоохранителей превращают диссидентство в основание к задержанию. Это дело показательно, поскольку иллюстрирует реальность содержания под стражей за сообщение о нарушении (так называемый общинный донос). При этом задержание может длиться неопределённо долго, а подследственный затем попадает в базу данных, что делает его неблагонадёжным гражданином. Далиты («неприкасаемые») неизменно составляют более пятой части от общего числа заключённых в Индии, адиваси (аборигены) – почти восьмую, а мусульмане – почти каждого шестого.

В Джамму и Кашмире сотни людей были задержаны в соответствии с Законом об общественной безопасности (Public Safety Act, PSA) в качестве превентивной меры подстрекательства к мятежу или межобщинного насилия. В частности, редактор газеты «Kashmir Walla» Фахад Шах и журналист Саджад Гул были заключены в тюрьму в соответствии с UAPA и PSA в марте 2023 года за свои статьи, признанные «антинациональными» [27].

В рамках политической борьбы оппозиционная партия «Индийский национальный конгресс» (ИНК) традиционно обвиняет правящую партию «Бхаратия джаната парти» (БДП) в игнорировании проблемы, вызванной архаичным кастовым мышлением, замаскированным под политический «нейтралитет». ИНК представляет неравенство как следствие действий полиции, основанных на «задержании по предубеждению», что сопровождается отказом в освобождении под залог низших каст и мусульман, а это значит, что система уголовного правосудия точно копирует социальную систему Индии. Получается, что индийская пенитенциарная система лишь отражает социальные дисфункции. Непременный клиент уголовно-исполнительной системы в Индии – это представитель бедноты, чья идентичность определяется кастой. Впрочем, обвинять БДП в кастовом профилировании уголовно-исполнительной политики – это значит свидетельствовать против истины. Ведь ИНК был у власти 54 года и существенно не смог

изменить кастовый характер наказания.

Профилирование по кастовому или религиозному признаку – общеизвестная практика. Она характерна для уголовно-исполнительной системы Индии наряду с «превентивными» арестами, основанными на подозрениях и действиях [14].

Пенитенциарные учреждения Индии демонстрируют пример социальной иерархии. Согласно данным тюремной статистики Индии в стране содержится в общей сложности 580 тыс. заключённых, из которых 77,9 % (примерно 450 тыс.) ещё не осуждены, что является высоким показателем [19].

В этом смысле Индия похожа на Китай в использовании административного заключения в качестве средства борьбы с политическими активистами, которые могут годами содержаться без суда по основанию «угроза национальной безопасности» [3].

Когда поднимаются острые пенитенциарные вопросы индийского правосудия, то указывают, прежде всего, на то, что срок содержания под стражей может определяться верой и кастой, а бедность становится двойным наказанием – социальным и юридическим. Тюремная реформа, равенство в вопросах залога, прозрачная отчётность – таковы объекты критики специалистов [10; 23; 25].

При этом женщины составляют всего 4,3 % от общего числа заключённых. Большинство женщин, находящихся в местах заключения и отбывания наказания, привлечены за преступления, связанные с получением

средств к существованию, такие как кражи, бытовые конфликты или дела, возбужденные в соответствии с так называемыми правилами морали. Они практически лишены доступа к юридическим услугам, здравоохранению или адекватной гигиене.

Гендерные меньшинства полностью игнорируются традиционалистской пенитенциарной системой Индии. NCRB фиксирует только категории «мужчины/женщины», исключая сбор данных на трансгендерный / небинарный контингент. Соответственно, в тюрьмах нет отдельных барачков (камер) для трансгендерных заключённых, не предоставляется доступа к гормональной терапии [15].

Согласно седьмому приложению Конституции Индии управление тюрьмами в Индии находится в ведении правительства штата. В каждом штате систему тюремного управления возглавляет старший офицер, называемый суперинтендантом тюрем. Индийские тюрьмы сталкиваются с тремя основными проблемами: переполненностью, нехваткой персонала и социальным наследием кастового общества.

В Индии насчитывается 1387 тюрем с общей вместимостью 356 561 человек, при этом фактическая заполняемость составляет более 500 тысяч (114,4 %). Из-за этого сложно поддерживать чистоту и даже предоставлять элементарные удобства [24].

Согласно разделу 436 Уголовного кодекса Индии, вступившему в силу в 2001 году, осуждённые, отбывшие половину срока за преступление, могут быть освобождены под

залог или поручительство. Вместе с тем осуждённые, находящиеся под следствием, часто остаются за решёткой на длительные сроки.

Согласно статистике индийские тюрьмы заполнены примерно на 14 % больше, чем их фактическая вместимость. Более двух третей составляют лица, находящиеся под следствием. Самый высокий уровень заполненности наблюдается в Чхаттисгархе и Дели, где он превышает более чем вдвое. Этот показатель составляет примерно 77,9 % в Мегхалае, 68,8 % в Уттар-Прадеше и 39,8 % в Мадхья-Прадеше.

Уттар-Прадеш (62 669) лидирует по числу заключённых, находящихся под следствием, за ним следуют Бихар (23 424) и Махараштра (21 667). В Бихаре самый высокий уровень (82 %) заключённых, находящихся под следствием. Далее следуют тюрьмы Дхамму и Кашмира (54 %), Гоа (50 %) и Гуджарата (42 %).

Уттар-Прадеш (18 214) возглавил список по количеству дел. Это в первую очередь связано с большим количеством дел, ожидающих рассмотрения в судах Мадхья-Прадеш, что связано с нехваткой судей и другого персонала. По состоянию на 31 марта 2016 года около 3,1 лакха дел ожидали рассмотрения в различных судах по всей Индии. Около 43 % подследственных заключённых отбывают наказание дольше, чем то наказание, которое они получили бы, если бы их преступления были доказаны. Из этих 282 000 подследственных заключённых примерно 55 % являются мусульманами, далитами и заключен-

ными из племен. В совокупности они составляют около 39 % от общего числа заключённых. По данным переписи населения Индии 2011 года, их процент населения составляет 14,2, 16,6 и 8,6 % соответственно. Это указывает на то, что эти общины по-прежнему сталкиваются с серьезным неравенством и иными околопенитенциарными и постпенитенциарными проблемами: недостаточное финансирование, отсутствие пенитенциарной безопасности, нечеловеческие условия содержания, столкновения с тюремной администрацией, тюремные пытки, презрение к бывшим осуждённым внутри общины.

Правовая помощь также затруднена для лиц, находящихся под следствием. Большинство из этих заключённых бедны и обвиняются в незначительных преступлениях. Несмотря на это, они остаются в тюрьме в течение длительного времени, не зная своих прав и не имея доступа к адвокату.

Статья 21 Конституции Индии гарантирует каждому человеку в Индии право на достойную жизнь. Конституция гласит, что никто не может быть лишен личной свободы. Учитывая это, в прошлом году уважаемый Верховный суд в важном решении дал указания нижестоящим судам как можно скорее рассматривать все уголовные дела, подлежащие рассмотрению в рамках программы.

Тюрьмы в Индии сталкиваются с острой нехваткой персонала, необходимого для успешного функционирования административной системы.

В Дели только половина необходимого персонала. В штатах Уттар-Прадеш, Бихар и Джаркханд примерно 65 % от общего числа должностей необходимого персонала вакантны. Из-за нехватки адекватного тюремного персонала часто появляются сообщения о плохих условиях содержания в тюрьмах. Вместе с тем индийские тюрьмы всегда воспринимали себя в качестве исправительных домов. Согласно индийской тюремной концепции каждый заключённый должен быть мотивирован к принятию жизненных ценностей и лучшей жизни.

Влиятельные лица в тюрьме пользуются нехваткой персонала и, подкупая его, получают все виды удобств, оставаясь в тюрьме. В то же время социально-экономически неблагополучные заключённые лишены даже элементарных удобств. Вот почему у высокопоставленных и влиятельных людей в Индии особое отношение к закону. Они прекрасно знают, что, независимо от того, находятся ли они в тюрьме или на свободе в популярных городах, их комфорт и роскошь останутся неизменными.

В 2015 году умерло 1 584 заключённых, из которых 1 469 умерли естественной смертью, а 115 – неестественной смертью (самоубийство, убийство, нападение и т. д.). Две трети (77) из них покончили жизнь самоубийством, а 11 были убиты другими заключёнными в той же тюрьме. Наибольшее количество (9) из них – заключённые делийской тюрьмы.

Из 14 400 заключённых тюрьмы Тихар только 20 % были признаны

виновными в совершении преступлений. Судебные дела остальных находятся на рассмотрении. Здесь 14 мужчин были приговорены к смертной казни, но ни одна женщина не была приговорена к смертной казни [24].

Тюрьма, расположенная в Порт-Блэре, столице Андаманских и Никобарских островов в Индии, считается самой опасной тюрьмой. Во времена движения за независимость революционеров здесь приговаривали к каторге «Кала Пани» («чёрная вода»). После Войны за независимость 1857 года здесь содержалось около 4 000 революционеров. С заключёнными обращались хуже, чем с животными. Каждый заключённый содержался в отдельной тёмной комнате. В то время люди считали, что смерть лучше каторги «Кала Пани» [12; 18].

Восемь тюрем в Индии считаются самыми строгими в дисциплинарном отношении. При этом подследственные и осуждённые фактически не разделены, и судьба подследственных может быть ещё хуже тех, чьё наказание уже было оглашено.

Дханбад – крупнейшая тюрьма в Махараштре, занимающая площадь около 207 гектаров и вмещающая около 3 000 заключённых. Исторически это пенитенциарное учреждение связано с лидером национально-освободительного движения Махатмой Ганди, который провёл здесь значительное время во время реакции британских колониальных властей. Кроме него здесь также содержались организатор терактов в Мумбаи Аджмал Амар Касаб и киноактёр Санджай

Датт, обвиняемый в причастности к терактам в Мумбаи в 1993 году.

Тихар в Дели – крупнейшая тюрьма в Южной Азии. Она находится в ведении департамента тюрем правительства Дели и считается одной из самых охраняемых тюрем Индии, где содержатся многие высокопоставленные лица. Общая вместимость тюрьмы составляет 14 000 заключенных, включая VIP-персон, политиков, актеров и др.

Заключённые этой тюрьмы имеют ограниченный доступ к воде в связи с острой нехваткой воды в регионе, что часто приводит к столкновениям между осуждёнными. Тихар печально известен своей крайней переполненностью, часто вмещающая более чем вдвое больше заключенных, чем положено, и подвергается критике в отношении безопасности и условий содержания заключенных.

На национальном уровне тюрьма Тихар в Дели, пожалуй, самая известная и часто упоминается как один из крупнейших тюремных комплексов в Индии, известный тем, что там содержатся знаменитые преступники и имеется строгий режим содержания. Тюрьма Тихар стала объектом многочисленных дискуссий, книг и веб-сериалов, посвященных ее заключенным и различным программам реформ, осуществляемым в ее стенах.

О тяжёлом положении заключённых в тюрьме Ранчи, рассчитанной на 650 человек, можно судить по тому, что там содержится около 2 200 человек. Каждое утро, когда 600 заключённых отправляются в суд на свои судеб-

ные процессы, оставшиеся в камерах размером 1,8 × 2 метра отдыхают, пока освобождается какое-то место.

Центральная тюрьма Мумбаи (Махараштра), тюрьма Артур Роуд, одна из старейших и самых печально знаменитых тюрем Индии. Она также известна своей крайней переполненностью, антисанитарными условиями и системными сообщениями о насилии и коррупции.

Центральная тюрьма Йеравада (Пуна, Махараштра) – второе по величине исправительное учреждение Индии, это тюрьма строгого режима, в которой во времена британского правления содержались несколько важных борцов за свободу, включая Махатму Ганди.

Центральная тюрьма Наини (Праяградж, Уттар-Прадеш) была основана во времена британского колониального правления и является третьей по величине центральной тюрьмой Индии. Она включает участки строгого режима и сыграла значительную роль в пенитенциарной системе и истории страны.

Центральная тюрьма Пужал (Ченнаи, Тамилнад) – один из крупнейших и самых современных тюремных комплексов в Индии, функционирующий с 2006 года. Пужал имеет несколько участков, включая специальную тюрьму для женщин, и вмещает несколько тысяч осуждённых.

Тюрьма строгого режима в г. Джамшедпуре (штат Джаркханд) называется Гагидих. В ней содержатся многие известные и закоренелые преступники, включая наксалитов (бое-

виков-маоистов) и членов ОПГ. Сюда переводят также особо опасных преступников из других региональных тюрем.

Из-за специфического профиля осуждённых в тюрьме периодически возникают дискуссии об усилении мер безопасности, таких как глушители сотовой связи, камеры видеонаблюдения и достаточное количество сотрудников службы безопасности [16].

Заключение. Несмотря на проблемы нехватки ресурсов и переполненности мест содержания под стражей особых групп (уязвимых групп, групп с особыми потребностями), индийская тюремная система постепенно развивает современные особенности содержания под стражей, отражающие гуманизм и обеспечивающие особую защиту в рамках правовой системы и прецедентов Верховного суда. Новые характеристики содержания под стражей особых групп в индийских тюрьмах заключаются в защите уязвимых групп и женщин, гендерной сегрегации и раздельных помещениях, которые охраняют сотрудники женского пола. За женщинами в пенитенциарных учреждениях присматривают женщины-охранники, чтобы снизить риск сексуального насилия или жестокого обращения. Маленьким детям осуждённых женщин разрешается жить со своими матерями в тюрьме. Тюремны обязаны обеспечивать детей надлежащим питанием, одеждой и образованием, а также имеют право направлять детей старше 6 лет в детские учреждения.

Разумные условия для инвалидов и больных находятся в приоритете: Верховный суд Индии усилил защиту инвалидов, обязав тюрьмы внести улучшения (например, построить пандусы и доступные туалеты), чтобы обеспечить им достойное существование. Осуждённые с серьезными психическими или физическими заболеваниями имеют право на своевременную диагностику и лечение, а медицинские записи должны храниться в тайне. Начато включение в плановые проверки услуг в области психического здоровья спецконтингента.

Несмотря на переполненность индийских тюрем, закон требует, чтобы с подсудимыми обращались иначе, чем с осужденными, с точки зрения условий содержания и повседневного управления (например, им может быть разрешено носить свою одежду и сохранять некоторые личные вещи). Тюремны обязаны вести учетные записи, специально предназначенные для идентификации иностранцев, и разрешать им контактировать с посольствами и консульствами в безопасных условиях.

Для спецконтингента, который может представлять высокий риск побега или имеет крайние склонности к насилию, в индийских тюрьмах существуют «специальные тюрьмы» или с разрешения Верховного суда строгая одиночная изоляция, но они все равно должны соответствовать гуманным стандартам.

Таким образом, уголовные законы в Индии толкуются строго, часто не в пользу обвиняемого, если суще-

ствуется двусмысленность, в соответствии с принципом, согласно которому наказание требует четких, кодифицированных нарушений.

Конституция гарантирует свободу совести и религии и позволяет конфессиям управлять своими делами, однако эти дела подчиняются общественному порядку, морали и охране здоровья. Исторически концепции дхармы (долга) и кармы (возмездия) влияли на индийское понимание справедливости, даже в рамках современных, светских и в некоторых случаях реформирован-

ных систем уголовного права. Судебная система часто вмешивалась в традиционные религиозные практики (например, запрещала определенные дискриминационные практики), чтобы привести их в соответствие с конституционными, светскими принципами. Уголовная политика Индии стремится к созданию баланса между поддержанием порядка, соблюдением светского, основанного на правах человека права и уважением религиозного разнообразия, в конечном итоге отдавая приоритет конституционной, а не религиозной морали.

Литература

1. Маринчев Н. В., Тимощук А. С. Основания правовой идеологии Древней Индии // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1 (6). С. 280 – 282.
2. Тимощук А. С. Государственно-правовая идеология Древней Индии как протоправо // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Социальные и гуманитарные науки. 2023. № 2 (38). С. 66 – 78.
3. Тимощук А. С. Китайский опыт пенитенциарных служб по организации воспитательной работы // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации. Вологда, 2025. С. 221 – 229.
4. Тимощук А. С. Эволюция индийской правовой системы // Modern History: партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока. Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. С. 237 – 244.
5. About 30 % of MPs and MLAs face serious criminal cases in India. URL: <https://www.thehindu.com> (дата обращения: 13.01.2026).
6. Aggarwal A. Rights of Women Prisoner in India // International Journal of Law Management and Humanities. 2022. Vol. 5. Issue 1. P. 2067– 2086.
7. Ali M., Ranadive J. Promoting literacy for prisoners' rehabilitation // Global Humanitarian Technology Conference. Seattle, 2015. P. 420 – 424.
8. Bandopadhyay S., Chakrawarti T., Mazumdar S. Bail in Non-Bailable Offences: A Critical Analysis of Supreme Court Guidelines // Nyaayshastra L. Rev. 2022. Vol. 3. P. 1.

9. Batar S. Criminal justice system in India: issues and reforms // *Contours of contemporary legal research: a multidisciplinary perspective: criminal justice, forensics, and emerging legal paradigms* / Sinha A., Meenakshi, Dharamshaktu G., Dharamshaktu P. Redshine Publication, 2025. P. 1 – 9.
10. Biswas M. Incarceration and Victimization of Marginalized Communities in India: A Sociological Examination of Muslims, Scheduled Castes, and Scheduled Tribes // *Indian journal of social studies and humanities*. 2025. Vo. 1 (21). P. 77 – 91.
11. Javed Ahmad Hajam V. State Of Maharashtra. URL: <https://www.drishtijudiciary.com/> (дата обращения: 13.01.2026).
12. Jel mein shiksha ka ujaala! (Свет образования в тюрьме). URL: <https://ndtv.in/> (дата обращения: 13.02.2026).
13. How AI is Enhancing Access to Justice in India. URL: <https://www.pib.gov.in/> 3. The Indian government has unveiled a transformative initiative aimed at strengthening forensic infrastructure across the nation. URL: <https://forensicsdigest.com/News> (дата обращения: 13.02.2026).
14. Kalita D. Religion, caste and marginality: reflections on the Indian criminal justice and prison system. *Religious Inequality and the Struggle for Sustainable // Poverty and Prejudice*. 2023. P. 245 – 251.
15. Kaid mein asamaanata: jelon ke bheetar jaati, varg aur dharm ka chehara (Неравенство в заключении: лицо касты, класса и религии в тюрьмах). URL: <https://cjp.org.in/> (дата обращения: 17.02.2026).
16. Kumar G., Pal V. Different Categories of Prisons and Prisoners in India: A Review // *Gateway International Journal of Innovative Research*. 2023. Vol. 2. Issue 3. P. 20 – 37.
17. National Crime Records Bureau: Prison Statistics India. URL: <https://ncrb.gov.in> (дата обращения: 23.02.2026).
18. Nabi A. Kala Pani: Incarceration Centre // *Pakistan Horizon*. 2018. Vol. 71. № 4. P. 7 – 32.
19. Prison Statistics India (PSI). URL: <https://www.data.gov.in/> (дата обращения: 13.02.2026).
20. Rani M., Praveen R. Law Relating to Bail under Indian Law // *Indian Journal of Integrated Research in Law (IJIRL)*. 2022. Vol. II. Issue IV. P. 436 – 450.
21. Sevar kendreey kaaraagrh kee anoothayee pahal (Уникальная инициатива образовательной организации «Киран»). URL: <https://www.etvbharat.com> (дата обращения: 19.02.2026).
22. Singh R. Bhaarateeya kaaraagaara vyavastha evan kaanoonee sudhaar (Индийская тюремная система и правовые реформы) // *Journal of Advances and Scholarly Researches in Allied Education*. 2021. Vol. 18. Issue № 6.
23. Srinivasan K., Mohanty S. Deprivation of basic amenities by caste and religion: Empirical study using NFHS data // *Economic and Political Weekly*. 2004. Vol. 39. № 7. P. 728 – 735.

24. Supreme court of India. Report on Prisons in India 2024: Mapping Prison Manuals and Measures for Reformation and Decongestion. URL: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in>. (дата обращения: 13.02.2026).

25. Thorat A. Ethnicity, caste and religion: Implications for poverty outcomes // Economic and Political Weekly. 2010. Vol. 45. No. 51. P. 47 – 53.

26. With new criminal laws, India's system driven by justice rather than punishment: Amit Shah. URL: <https://www.thehindu.com> (дата обращения: 13.02.2026).

27. 16 Indian Journalists Have Been Charged Under UAPA, 7 Are Currently Behind Bars. URL: <https://thewire.in> (дата обращения: 13.02.2026).

A. S. Timoshchuk

PENAL POLICY OF THE REPUBLIC OF INDIA: PHILOSOPHY AND RELIGION IN PRACTICE

The Republic of India is undergoing a historic transformation of its criminal and penal justice system. At its core is a rejection of the colonial legacy in favor of a modernized, technology-driven, and victim-focused justice system. India's penal policy combines a modern, reformist, and rehabilitative justice system with deeply ingrained mono-norms governing religious, personal, and customary laws. The core approach, influenced by Mahatma Gandhi, focuses on the principle of "condemning the sin, not the sinner," striving for the rehabilitation of criminals. While the system is reformist in nature, it retains punitive elements. India's ruling class strives to balance state, secular, and penal laws: protecting religious freedoms while subordinating religious practices to "constitutional morality" to ensure gender equality and dignity, while eliminating the legacy of caste. The Supreme Court often limits religious practices based on "constitutional morality" (equality, non-discrimination), abolishing traditional practices that conflict with fundamental rights. While granting freedom of religion, the state regulates and sometimes reforms religious institutions to bring them into line with constitutional principles. Parallel to criminal law, personal laws based on community and religion govern matters such as marriage and inheritance, although they are constantly being reformed.

Keywords: India, penal system, re-education, correction, rehabilitation, penitentiary reform.

**ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ
ГЕНЕТИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ
НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ИНДИВИДА**

В статье актуализируются философские аспекты проблемы генетического тестирования в контексте антропологического и аксиологического подходов к формированию идентичности индивида. Феномен рассматривается в ракурсе опережающего реагирования, призванного обнаружить возможные риски наследственных заболеваний. Осмысляются и уточняются его реперные точки: психологическое воздействие на противоречивость самосознания, тревога о потере личностной идентичности, степень влияния на межличностные отношения. Делается вывод о необходимости антропологического подхода к восприятию процедуры как конструкта здоровья с учетом ценностных установок, влияния на выбор жизненного пути, что в конечном итоге будет способствовать оздоровлению населения, минимизации демографического кризиса в стране.

Ключевые слова: генетическое тестирование, идентичность, самовосприятие, медицинские технологии, философские аспекты.

Проблему личностной идентичности с точки зрения антропологического подхода можно рассматривать в качестве некоего фундамента для надстройки концепций, связанных с личностью, как части социального бытия, главными факторами которого с онтологической точки зрения являются тело и сознание. На протяжении всего исторического периода проблема идентичности служила предметом философского осмысления, а сам термин «идентичность» претерпевал разрозненность смысловых интерпретаций и трактовок.

С философской точки зрения феномен идентичности рассматривался в русле поиска ответов на вопросы о его преодолении; в соответствии

жизненных идеалов и ценностей таких вечных категорий, как счастье, любовь, доброта; как попытка разобраться в самом себе [4, с. 30].

Простор для осмысления идентичности между реальным миром и сознанием, по мнению Э. Гуссерля, создает «подлинная бездна его смысла» [2, с. 115]; сам процесс конструирования идентичности запускается не «изнутри», а «извне», т. е. обществом, через поддержание имени, репутации, славы [10, с. 297]. Э. Эриксон, идентичность считал показателем психосоциального равновесия [8, с. 123]. С философской точки зрения идентичность трактуют как совокупность практик, способствующих развитию личности, которая формируется под

воздействием культурной, социальной и политической среды [8, с. 123].

Идентичность – это сложный, многомерный конструкт, включающий ряд компонентов: онтологический, гносеологический, этический и ряд других [3, с. 1540], что требует от человека постоянной познавательной, оценочной и моральной рефлексии, направленной на собственное «Я» и вовне (другого).

Современные реалии, связанные с появлением новых медицинских технологий, развитием биоэтики как совокупности ценностно-познавательных подходов к познанию живого, а также внедрение понятия «инженерная медицина» как части современной биоэтики, связанной со специальным исследованием теоретических и методологических проблем в познании человека, ищут достойные ответы на сложные вызовы цивилизационного развития. В этой связи осмысление возможности применения философского подхода к проблеме идентичности в условиях формирования и социального «расширения» медицинских практик видится нам актуальным и дискуссионным.

Биоэтику можно трактовать как дискурс, в результате которого вырабатываются установки на определенное поведение человека, учитывая его идентичность, где отклонения от научной истины, нравственной нормы находятся в противоречии.

С этой точки зрения особый интерес представляет анализ возможностей и перспектив новых современных генетических технологий в контексте

их применения в медицине, в том числе прямого генетического тестирования, позволяющего с высокой точностью выявлять генетические мутации и предрасположенности к различным заболеваниям человека.

Рассматривая проблему в контексте антропологического подхода, следует подчеркнуть, что доступность генетической информации кардинально меняет представление человека о собственном здоровье, предрасположенности к наследственным заболеваниям, идентичности на генном уровне. Генетическое тестирование применяется онкогенетике, фармгенетике, репродуктивной и спортивной генетике, определении талантов, составлении генетических паспортов здоровья и ряда других [6, с. 150].

Получение данных о возможных будущих генетических рисках оказывает глубокое и зачастую противоречивое воздействие на самосознание индивида, вызывая тревогу о потере личностной идентичности. С другой стороны, информация о генетической предрасположенности, например, к заболеванию болезнью Альцгеймера, раком молочной железы и рядом других, становится новой, мощной составляющей в конструкте здоровья, собственной личности, формируя не только представление о себе, но и влияя на выбор жизненного пути, отношение к собственному телу [7, с. 123].

Результаты генетического тестирования – это акт получения новой информации о себе, её вариативность влияет на восприятие о повышенном

риске развития определенных заболеваний, часто воспринимаемых как «приговор» или, напротив, как предупреждение, мотивирующее к превентивным действиям [9, с. 297]. Иногда человек воспринимает результаты тестирования в отношении к своему телу как «слабое звено» его генетической «запрограммированности», что в конечном итоге может привести к гиперконтролю за состоянием здоровья или, наоборот, к фатализму и пренебрежению здоровьем.

С одной стороны, знание о предрасположенности на генном уровне к заболеванию может дать ощущение контроля над будущим, позволив принять превентивные меры, с другой – порождать чувство беспомощности перед лицом «неизбежной» судьбы, негативно сказаться на самооценке человека [1, с. 200].

В психологическом аспекте проблема генетической информированности может проявляться как в негативных, так и позитивных аспектах, вызывать вариативность психологического состояния: тревожность, страх, панические атаки, чувство безнадежности, фатализм, депрессивные состояния, вину перед партнером, детьми, опасение передачи своего заболевания по наследству и т. д. [9, с. 125 – 126]; и наоборот – иметь позитивный эффект: желание изменить образ жизни, отказ от вредных привычек, регулярные медицинские обследования, активное управление своим здоровьем, осознанное понимание своего тела и его особенностей [7, с. 78; 9, с. 127].

Генетическая информация оказывает значительное влияние на построение жизненных стратегий. Знание о генетических рисках может повлиять на решение о планировании семьи, выборе методов репродукции, иметь или не иметь детей [1, с. 83].

Таким образом, генетическое тестирование может являться мощным инструментом, который открывает новые горизонты в области персонализированной медицины и профилактики, оно должно восприниматься неотъемлемой частью самовосприятия, идентичности, эмоционального состояния, жизненной стратегии [6, с. 145], планирования семьи, карьеры, здоровья и межличностных отношений, поскольку идентичность кардинально пересматривается под влиянием генетической информации [7, с. 196]. Поэтому генетическую информацию с аксиологической точки зрения можно рассматривать как важную комплексную моральную поддержку реципиентов.

Доступность качественного генетического и психологического консультирования, создание правовой базы, защищающей от дискриминации, повышение общей грамотности населения в области генетики должны рассматриваться как важные направления государственной политики в области здравоохранения [5, с. 29], поскольку генетическое тестирование имеет важное значение для социума, конструирующего на базе медицинских технологий свои представления о здоровье, благополучии будущего поколения, при со-

блюдении этических и социокультурных норм, ценностных установок, образовательного уровня, что в конечном

итоге будет способствовать минимизации демографического кризиса в нашей стране.

Литература

1. Гребенщикова Е. Г. Социогуманитарные контуры генной медицины : коллектив. монография. М. : ИНИОН РАН, 2021. 232 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. М. : Идея-Пресс, 2001. 297 с.
3. Журко А. А., Скощук К. Н. Проблема идентичности: философские аспекты // Актуальные проблемы современной медицины и фармации. Минск : БГМУ, 2024. 1540 с.
4. Кондрашов А. А., Акжигитов Р. Б. Подходы к изучению феномена идентичности в трудах зарубежных и отечественных исследователей [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Пензенский психологический вестник». 2023. № 2(21). С. 27 – 39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-izucheniyu-fenomena-identichnosti-v-trudah-zarubezhnyh-i-otechestvennyh-issledovateley> (дата обращения: 15.03.2026).
5. Костюк С. А., Давидовский С. В., Костюк Д. Д. [и др.] Генетическая детерминация психологических особенностей человека [Электронный ресурс] // Медицинские новости. 2021. № 6 (321). С. 28 – 32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geneticheskaya-determinatsiya-psihologicheskikh-osobennostey-cheloveka> (дата обращения: 12.03.2026).
6. Лехциер В. Л., Шекунова Ю. О. Генетизация с точки зрения генетиков: направления, проблемы и перспективы персонализированного и предиктивного молекулярно-генетического тестирования в России [Электронный ресурс] // Экономическая социология. 2022. № 3. С. 129 – 158. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genetizatsiya-s-tochki-zreniya-genetikov-napravleniya-problemy-i-perspektivy-personalizirovannogo-i-prediktivnogo-molekulyarno> (дата обращения: 15.03.2026).
7. Пистои С. Нация ДНК. Как генетическое тестирование меняет нашу жизнь. СПб. : Портал, 2021. 288 с.
8. Хачатрян Л. В. Основные подходы к осмыслению феномена идентичности // Манускрипт. Тамбов : Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 123 – 126.
9. Шекунова Ю. О. Опыт обращения к превентивным биотехнологиям в рамках заботы о себе и близких (по результатам эмпирического исследования). [Электронный ресурс] // Политология. Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. № 3. 2023. С. 294 – 302. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-obrascheniya-k-preventivnym-biotekhnologiyam>

v-ramkah-zaboty-o-sebe-i-blizkih-po-rezultatam-empiricheskogo-issledovaniya (дата обращения: 15.02.2026).

10. Юм Д. О тождестве личности // Д. Юм. О человеческой природе. СПб. : Азбука, 2001. С. 297 – 407.

M. I. Shcherbinina

O. V. Arsenina

A PHILOSOPHICAL INQUIRY INTO THE IMPACT OF GENETIC TESTING ON THE FORMATION OF PERSONAL IDENTITY

The article actualizes the philosophical aspects of the problem of genetic testing in the context of anthropological and axiological approaches to the formation of an individual's identity. The phenomenon is considered from the perspective of proactive response, designed to detect possible risks of hereditary diseases. Its reference points are comprehended and clarified: the psychological impact on the contradictoriness of self-awareness, anxiety about the loss of personal identity, and the degree of influence on interpersonal relationships. The conclusion is drawn about the necessity of an anthropological approach to the perception of the procedure as a health construct, taking into account value systems and the influence on the choice of life path. Ultimately, this will contribute to the improvement of public health and the minimization of the demographic crisis in the country.

Keywords: genetic testing, identity, self-perception, medical technologies, philosophical aspects.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРСЕНИНА Ольга Владимировна – доцент Приволжского исследовательского медицинского университета (Владимирский филиал), г. Владимир
arseninao@mail.ru

ГУРИНА Валентина Владимировна – аспирант кафедры истории России Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир; преподаватель Московского Финансово-юридического университета (МФЮА), г. Москва
valentinagurina@gmail.com

ЕРШОВА Екатерина Сергеевна – студентка направления подготовки «Лингвистика» Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
katedefer5@gmail.com

КОВАЛЕНКО Николай Сергеевич – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Армавирского государственного педагогического университета, г. Армавир
kolya.kovalenko.99@list.ru

ЛЯПАНОВ Артем Владимирович – кандидат исторических наук, доцент зав. кафедрой частноправовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России; доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Россия, г. Владимир
Lyapanov@mail.ru

МАМЕТЬЕВ Сергей Алексеевич – аспирант кафедры истории России Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
sergiocat1@yandex.ru

НИКИТИНА Виктория Константиновна – старший преподаватель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
nikvik@mail.ru

СЕЛИВЕРСТОВА Оксана Александровна – доцент кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
oxana33@list.ru

ТИМОЩУК Алексей Станиславович – профессор кафедры социально-гуманитарных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Владимирский филиал), г. Владимир
timoshchuk-as@ranepa.ru

ЩЕРБИНИНА Мария Игоревна – студентка Приволжского исследовательского медицинского университета (Владимирский филиал), г. Владимир
arseninao@mail.ru

ЯКОВЛЕВА Анна Сергеевна – студентка направления «Журналистика» Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
anna_yakovlevaas@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ARSENINA Olga Vladimirovna – Associate Professor, Privolzhsky Research Medical University, Vladimir branch, Vladimir
arseninao@mail.ru

GURINA Valentina Vladimirovna – Postgraduate student of the Department of History of Russia of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir; Lecturer at the Moscow University of Finance and Law (MFUA), Moscow
valentinagurina@gmail.com

ERSHOVA Ekaterina Sergeevna – Student of the “Linguistics” field of study at Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir
katedefer5@gmail.com

KOVALENKO Nikolay Sergeevich – Postgraduate student of the Department of Russian and General History of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Armavir State Pedagogical University”, Armavir
kolya.kovalenko.99@list.ru

LYAPANOV Artem Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Private Law Disciplines at the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Associate Professor of the Department of Russian History at Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Russia, Vladimir
Lyapanov@mail.ru

MAMETYEY Sergey Alekseevich – Postgraduate student of the Department of History of Russia at Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir
sergiocat1@yandex.ru

NIKITINA Victoria Konstantinovna – Senior Lecturer, Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir
nikvik@mail.ru

SELIVERSTOVA Oksana Aleksandrovna – Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Professional Communication of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir
oxana33@list.ru

TIMOSHCHUK Alexey Stanislavovich – Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir branch), Vladimir
timoshchuk-as@ranepa.ru

SHCHERBININA Maria Igorevna – Student of the Volga Region Research Medical University, Vladimir branch, Vladimir
arseninao@mail.ru

YAKOVLEVA Anna Sergeevna – Student of the “Journalism” field of study at Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir
anna_yakovlevaas@mail.ru